

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей

Е. И. Васильева

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КУРДИСТАН В XVI—XIX ВВ.

**Источник по истории курдских эмиратов
Арделан и Бабан**

*Издание профинансировал
вице-президент Института Курдистана и Передней Азии
доктор Абу Бакер Абдала Шах Мухамед*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
В19

Васильева Е. И.

В19 Юго-Восточный Курдистан в XVI–XIX вв. Источник по истории курдских эмиратов Арделан и Бабан. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 176 с.

ISBN 978-5-4469-0775-5

Публикуемая работа Е. И. Васильевой является продолжением книги «Юго-Восточный Курдистан в XVII — начале XIX вв. Очерки истории эмиратов Арделан и Бабан» и цикла ее исследований памятников курдской историографии на персидском языке. Хроника Абдалкадира Бабани «Сийар ал-акрад» написана в период, когда Курдистан находился на изломе своей исторической судьбы. В середине XIX в. были смещены династии курдских эмиров и разрушена структура эмиратов, которая до того времени оставалась вершиной социально-политической интеграции в Курдистане. Предлагаются свои оценки таких вопросов курдской истории, как роль курдского племени и эмирата.

ISBN 978-5-4469-0775-5

9 785446 907755

© Е. И. Васильева, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное слово	4
I. Автор хроники <i>Сийар ал-акрад</i> и история его семьи	8
Семья автора	9
Отец автора	15
Автор	31
II. О сочинении Абдалкадира Бабани	36
Время написания	36
Источники	38
Композиция хроники Абдалкадира Бабани	46
III. Заключение	68
О социальной стратификации в эмиратах Арделан и Бабан	68
Курдистан и Курдистаны	70
Племя, племенная асабийя, <i>илият</i>	72
Единство вопреки разделенности	75
Шараф-хан Бидлиси и Абдалкадир Бабани	77
Эмираты и эмиры	79
<i>Приложение. Фрагменты перевода хроники Сийар ал-акрад</i>	
Абдалкадира Бабани	89
Вступление автора. Часть 1.	89
Глава 1. О численности племен курдов.	
О названиях [великих] родов курдов	93
Глава 3. Создание эмирата Арделан	94
Глава 4. О правлении царевича Му'тамад ад-Дауле	104
Глава 5. История Курдистана Бабанского	110
Глава 6. Начало уничтожения эмирата Бабан	
османским правительством	161
Глава 7. Мукринский Курдистан и [племя] бильбас	164
Глава 8. О семье курдских [правителей] Ревандуза	166
Список сокращений	170
Список цитируемой литературы	171
Summary	174

*Помню Сулейманию, столицу Бабанов;
Не была она подданной персов,
не служила роду Османа.*

Шейх Риза Талабани

ВВОДНОЕ СЛОВО

Суровая, опаленная нескончаемыми войнами история страны курдов сохранила немного источников на курдском языке. Рукописи горели в огне военных пожаров, не доходили до последующих поколений. Многие исторические источники до сих пор ждут открытия и прочтения и пока молчат, как безмолвствуют развалины разрушенных крепостей на вершинах гор Курдистана в ожидании археологов. Сто лет назад, в 1912 году, Н. Я. Марр назвал курдов народностью, замолчанной историей¹, и эти крылатые слова разлетелись по книгам курдоведов. За минувшее столетие произошли изменения, однако сведения выявленных источников не освещают все периоды курдской истории и все области проживания курдов, хотя судьба народа обретала реализацию отнюдь не на обочине исторического процесса. В Двуречье, где курдский этнос проживает с древнейших времен, родилась мировая цивилизация, и курды вышли из самых глубин горнилы, где проходил процесс выплавки этнических общностей Ближнего и Среднего Востока.

Главной проблемой курдской истории остается ее написание в полном объеме, изучение всех областей Курдистана и сведение локальных историй воедино. Предстоит долгая, упорная, интересная работа источниковедов и поиск источников. С VII по XI вв. источники по курдской истории написаны в основном по-арабски. После победы идей ислама на всей территории Халифата, куда вошел и Курдистан, арабский язык стал языком историографии и художественного слова. Правящие круги Халифата нуждались в информации о народах, вовлеченных в орбиту его политической жизни. От информации зависели общение, социальная жизнь, построение политической перспективы. С XII века получила развитие историческая литература на персидском языке, и сочинение первого курдского историографа — *Шараф наме* Шараф-хана Бидлиси (1597 г.) — написано по-персидски

¹ См. Марр 1912: с. 117.

и выдержано в традициях средневековой персидской историографии с ее изысканным, рафинированным слогом.

Во второй половине XVIII — XIX вв. в Арделане, области Юго-Восточного Курдистана, названной отдельными авторами колыбелью курдского этноса и курдской культуры, сформировалась целая школа курдских историографов, писавших на персидском языке. Выявлены более десяти имен авторов и названий их сочинений, которые послужили фактологической базой при написании нашей книги о Юго-Восточном Курдистане.¹

Возвратиться к проблемам Юго-Восточного Курдистана и истории эмиратов Арделан и Бабан побудила актуальность и востребованность темы², а также публикация двух ценнейших памятников курдской историографии на персидском языке: в 1988 г. — хроники *Сийар ал-акрад* и в 2003 г. — *Хадике-йи Насирийе*. Книги написаны с интервалом в два десятилетия: первая — уроженцем Южного (Бабанского) Курдистана Абдалкадиром Бабани в 1868–1870 гг., вторая — арделанцем Мирзой Али Акбаром Курдистани в 1890–1892 гг. Оба издания подготовлены иранским ученым Мухаммадом Рауфом Тавакколи (*Сийар ал-акрад* — при участии Абдаллаха Мардуха Курдистани).

К сочинению Мирзы Али Акбара Курдистани мы обращались при написании книги «Юго-Восточный Курдистан»³, хроника Абдалкадира Бабани как ценный исторический источник по истории Юго-Восточного Курдистана в полном объеме исследуется впервые⁴.

Манускрипт сочинения Абдалкадира Бабани был обнаружен в рукописном хранилище тегеранской библиотеки Милли Мулк под номером 4135, куда он поступил из библиотеки Мухаммада Хасан-хана Сани‘

¹ Речь идет об изданной в 1991 г. книге: *Васильева Е. И.* Юго-Восточный Курдистан в XVII — начале XIX вв. Очерки истории эмиратов Арделан и Бабан. М., Наука, 1991.

² На востребованность и актуальность темы указывает перевод книги на курдский язык и два издания этого перевода в Эрбиле (Иракский Курдистан) в 1997 и 2009 гг.:

ی.ئی. فاسیلیه فا. کوردستانی خوارووی رۆژه لالت له سه ده ی حقه وه تا سه ره تای سه ده ی نۆزده (کورته په کی میژووی میرنشینیانی نه رده لان و بابان) ترجمه رشاد میران. هه و لیر ۷۹۹۱.

ی.ئی. فاسیلیه فا. کوردستانی خوارووی رۆژه لالت له سه ده ی حقه وه تا سه ره تای سه ده ی نۆزده کورته په کی میژووی میرنشینیانی نه رده لان و بابان. وه رگیرانی له رووسییه وه د. رشاد میران. چایی دووه م هه و لیر ۹۰۰۲.

³ Был использован манускрипт из фонда В. Ф. Минорского рукописного собрания ИВР РАН. В 2012 г. автором этих строк издан перевод *Хадике-йи Насирийе* на русский язык: Али Акбар Хронист Курдистани. Сад царства Насира. Пер. с персидского, предисловие, примечания и указатели Е. И. Васильевой. СПб., 2012.

⁴ Краткие сведения о сочинении Абдалкадира Бабани приведены в книге А. Мардуха Курдистани. См. Abdollah Mardukh 1988: p. 43–46.

ад-Дауле. Переписчик рукописного текста неизвестен. Манускрипт насчитывает 107 листов, или 214 страниц¹. Опубликованная впервые в Тегеране в 1988 году, книга вызвала в Курдистане большой интерес, и через три года в Эрбиле был издан ее первый перевод — на курдский язык.

При повторном обращении к теме Юго-Восточного Курдистана и эмиратов Арделан и Бабан весьма полезным было новое прочтение дневника К. Дж. Рича, который заслуживает самого пристального и детального изучения как первоклассный источник².

Клавдий Джулиус Рич, занимавший с 1808 по 1821 г. пост британского резидента Ост-Индской компании в Багдаде, в 1820 г. в течение полугода находился в Юго-Восточном Курдистане и побывал в эмиратах Арделан и Бабан. Поездке был придан вид значительный и официальный, и его сопровождал многочисленный отряд сипаев. В окружении К. Дж. Рича находился секретарь-*муниши*, в чьи обязанности входила ежедневная запись происходившего и увиденного.

Известный отечественный иранист Н. Д. Миклухо-Маклай, описывая в 50-х годах прошлого столетия таджикские и иранские рукописи Института востоковедения (ныне Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей РАН), обнаружил манускрипт-автограф сочинения на персидском языке, названного *Рисале*³. Сочинитель этого *Трактата* именуется Сейидом Мухаммадом ибн Ахмадом ал-Хасани ал-Багдади. Он в течение нескольких лет состоял на службе у К. Дж. Рича и сопровождал его во время поездки в курдские эмираты в качестве *муниши*.

Вероятность того, что *Рисале* было написано по поручению К. Дж. Рича, возможна, но от предположения Н. Д. Миклухо-Маклая, что его рукой сделаны пометки на английском языке на полях манускрипта, придется отказаться. В первой части своего сочинения⁴ автор сообщает, что к составлению этого *Рисале* он приступил 29-го дня месяца джумади II 1237 г. х. или 21 марта 1822 г., а на предыдущей странице (л. 6а) он пишет о смерти К. Дж. Рича в Ширазе 7-го мухаррама того же 1237 г. х., что приходится на 10 октября 1821 г. Таким образом, К. Дж. Рич не мог ни читать *Рисале*, ни делать пометки. Однако выразить при жизни пожелание, чтобы Сейид Мухаммад оформил свои впечатления от поездки по Курдистану в виде книги, он бесспорно мог.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 20.

² Rich 1836, vol. I–II.

³ Миклухо-Маклай 1955: с. 48–50. См. также: Карская. ППИПИКНВ, 1970: с. 48–50.

⁴ *Рисале*, л. 6б.

Манускрипт *Рисале* Сейида Мухаммада ибн Ахмада ал-Хасани ал-Багдади послужил для нас ценным источником при исследовании хроники Абдалкадира Бабани.

Привлекались и другие источники, но наибольшее внимание уделено самой хронике Абдалкадира Бабани. В этом единственном из произведений курдских историографов, писавших на персидском языке, приведена авторская версия истории эмирата Бабан. В эту историю автора привели корни его фамильного древа, и главе 5 *Сийар ал-акрад* «О Бабанском Курдистане» автор отводит значение основополагающей¹.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 29.

І. АВТОР ХРОНИКИ *Сийар ал-акрад* И ИСТОРИЯ ЕГО СЕМЬИ

Своим читателям автор *Сийар ал-акрад* себя представляет кратко — Абдалкадир ибн Рустам Бабани, — не прилагая ни к своему имени, ни к имени отца даже титула *бек*, который, как мы увидим ниже, им принадлежал. То, что он родился в Сулеймании, можно предполагать с большой долей вероятности; то, что произошло это в Бабанском эмирате, — бесспорно. Автор хроники принадлежал к знатной и могущественной семье Южного Курдистана.

Бабан — название эмирата, племени, правящего рода эмиров, элитарных родов *бегзаде*¹ и территории княжества. Своим вознесением во власть династия эмиров была обязана племени, и это — обычная история. У колыбели любой правящей фамилии в Курдистане стояло племя, прорыв к вершинам политической власти обеспечивался мощью племенного сообщества: «...среди правителей Курдистана те, чьи ашираты² и племена многочисленны и могучи, носят имя [своего] аширата, как то [правители] Хаккари, Сорана, Арделана и Бабана»³. Таким образом, то, что княжеский дом Бабан носил имя племени, к которому принадлежал, подкреплено свидетельством Шараф-хана Бидлиси.

Бабанское племя — одно из могущественных племенных сообществ Курдистана, чьи корни уходят в далекое прошлое. Участие племени бабан в политической жизни региона зафиксировано в *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси. Абдалкадир Бабани, описывая бабанское племя, в своей книге обращается к еще более отдаленным временам царствования Кейянидов, Аршакидов и Сасанидов. Уже тогда племя⁴ бабан славилось, по словам автора, своей многочисленностью и воинской доблестью, которую оно весьма эффективно проявляло в походах «на ближние и дальние города»⁵.

¹ *Рисале*, л. 22а.

² Термин, которым обозначается племя в Курдистане.

³ *Шафар-наме* 1967: с. 87.

⁴ В тексте: *кабиле*. См. ниже, с. 47, 48.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 103.

Во времена правления Ардашира Папакана Сасанида¹ оно «подчинило [земли] до окрестностей Хамадана и Керманшаха»².

Рассказ историографа о сражениях сасанидского правителя с бабанским племенем³, по всей видимости, навеян богатой фантазией самого автора и преданиями. Исключать существование легенд и преданий на этот сюжет невозможно. Заметим, что автор *Сийар ал-акрад*, изложив историю непростых отношений Ардашира Папакана с бабанским племенем, написал, что вплоть до времен Сефевидов⁴ надежная информация о бабанах отсутствует⁵.

В *Шараф-наме* упоминаются две династии курдских эмиров, носившие имя Бабан. Первая из них вела себя особенно дерзко, воевала с эмирами Сорана, с аширатом зарза и даже с кызылбашами, набиравшими мощь для вознесения во власть Сефевидов. Предпринимались походы на племена мукри и бане и даже вторжения на территорию Арделанов. Столкновения закончились значительным расширением территории эмирата Бабан, однако к концу XVI в. бабанское племя осталось без верховного правителя. Каждому представителю племенной знати «был препоручен один из округов той страны»⁶, и наступило дробление племени и его земель на части, но военную мощь бабанцы не утратили.

Ашират бабан остался без верховного правителя, — писал в 1597 г. Шараф-хан Бидлиси, — но финансовые чиновники взимают с них⁷ подати «не иначе, как по-хорошему». В противном случае, стоило им прибегнуть к силе и принуждению, бабанцы не давали и медного гроша.⁸ Через столетие, в конце XVII в., племя обрело единство и к власти пришла та новая династия Бабан, с которой связана судьба Абдалкадира Бабани и его рода.

Семья автора

Абдалкадир Бабани, несмотря на единожды высказанное намерение рассказать о себе подробно⁹, обещание свое так и не выполнил. Сведения об авторе и его семье приходилось «отлавливать» по крупицам. Первая такая «крупица» обнаруживается в его книге при описании событий начала

¹ Годы его царствования ~226–241.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 103.

³ Там же, с. 103–105.

⁴ Сефевиды правили с 1501 по 1732 г.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 105.

⁶ *Шараф-наме* 1967: с. 330.

⁷ Бабанцев.

⁸ Там же, с. 337.

⁹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 74.

XVIII в., времени правления Хане-паши Бабана, который в 1132/1719–20 г.¹ стал правителем эмирата Арделан.

Бабанский эмир Хане-паша появился в Арделане, когда, как пишет автор *Хадике-йи Насирийе* Мирза Али Акбар Курдистани, в державе шаха Султан Хусейна² «обнаружились слабость и несостоятельность», и в Иране со всех сторон подняли смуту афганцы. Он «посчитал момент благоприятным и с подготовленным войском выступил для завоевания Курдистана»³.

Завоевывать Арделанский эмират даже не было необходимости. Эмир, представитель княжеского дома Бани Арделан, бежал, едва заслышав про выступление Хане-паши, а здешние сейиды, улемы и шейхи выехали ему навстречу и доставили в город Сенендедж. Хане-паша был принят арделанскими курдами как гость, и принять гостя на возможно большем расстоянии от дома предписывал курдский этикет гостеприимства. Встреча особо почетного гостя могла происходить в десятках километров от дома принимающей стороны. Принимая таким образом, бабанскому эмиру оказали почет и одновременно проявили покорность.

За четыре года, проведенные Хане-пашой Бабаном в Арделанском эмирате, его стараниями в Сенендедже были построены мечеть и при ней большое медресе и высокие минареты⁴. Строили на века, и, уезжая в Южный Курдистан, Хане-паша оставил в Сенендедже вместо себя Али-хана, своего сына, «правителем всего Арделана»⁵, и он правил там четыре года⁶.

Это десятилетие истории двух курдских эмиратов мы упомянули ради одного персонажа, который появился в хронике Абдалкадира Бабани, — его прапрадедушки по имени Джаванмард-ака⁷. Именно на него по младости

¹ Дату прихода к власти Хане-паши в Арделане мы заимствовали из *Хадике-йи Насирийе*, хроники Мирзы Али Акбара Курдистани. Абдалкадир Бабани указывает 1124/1712 г. Автор *Сийар ал-акрад* не всегда, как мы увидим ниже, в ладах с хронологией, что было отмечено и в книге А. Мардуха Курдистани (Abdollah Mardukh 1988: p. 46).

² Годы правления иранского шаха Султан Хусейна 1694–1722.

³ Али Акбар Хронист Курдистани 2012: с. 131, 132. Арделанский эмират назывался Курдистаном официально. Иран в XVIII в. остался единственной страной, где название Курдистан сохранило официальный статус.

⁴ Мечеть и медресе были разрушены в начале следующего столетия по приказу Аманаллах-хана Арделана (1899–1824/5).

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 123.

⁶ До 1134/1721–22 г. См. там же, с. 50. Согласно *Хадике-йи Насирийе*, правление продолжалось шесть лет. *Хадике-йи Насирийе* 2012: с. 133.

⁷ Предок автора еще не имел титула *бек*, не принадлежал к сословию *бегзаде*, а носил более скромное звание «ака», как и дед Мах Шараф-ханум Курдистани — Мухаммад-ака.

лет Али-хана¹ Хане-паша, уезжая в Бабанский эмират, возложил ведение дел в Арделанском княжестве. Местная знать и благородные «весьма радовались его, Джаванмард-аки, обхождению и образу действий»².

Более обширную информацию можно обнаружить в *Сийар ал-акрад* относительно деда автора хроники — Ахмад-бека, получившего известность под именем Сахиб-Киран³. В книге речь идет уже о событиях в эмирате Арделан в правление Хусрав-хана, именуемого арделанскими хронистами Великим. Мирза Али Акбар Курдистани время его власти датирует с октября 1754 г. по 1789–90, Абдалкадир Бабани — с 1150/1737–38 по 1201/1786⁴. В Бабанском эмирате в это время правили Сулейман-паша и затем основатель Сулеймании — Осман-паша.

Автор *Сийар ал-акрад* описывает политическую ситуацию в регионе таким образом: «[Эмир] Хусрав-хан весьма укрепил свою власть и болтал о независимости. Между ним и пашой Бабана было полное единение, и с обеих сторон крепили узы любви и единства»⁵. Взаимное тяготение между областями Юго-Восточного Курдистана, похоже, охватило все слои курдской элиты, активизировалась матримониальная дипломатия.

Именно при нем состоялось породнение двух могущественных семей Южного и Восточного Курдистана: дома *вакилей* Арделана и семейства автора *Сийар ал-акрад*. Инициативу проявил *вакиль* Мухаммад Рашид-бек, испросив в жены своему старшему сыну и наследнику Фатх Али-беку сестру Ахмад-бека, который в княжестве Бабан занимал пост везира и советника эмира⁶.

При заключении матримониального союза на таком социальном уровне вторая вступающая в брак сторона выбиралась только из себе подобных, равного статуса. Поэтому сам факт избрания Мухаммадом Рашид-беком *вакилем* для породнения семьи Ахмад-бека показывает, что он (Ахмад-бек) занимал в эмирате Бабан равное положение с арделанским *вакилем*. Соединялись равные: Ахмад-беку и Мухаммаду Рашид-беку принадлежало

¹ Будучи правителем эмирата Арделан, он носил ханский титул, а по приезде в эмират Бабан стал именоваться пашой.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 49–50.

³ Букв. «рожденный при счастливом сочетании звезд». Звание, применявшееся достаточно редко — в отношении избранных, выдающихся исторических личностей. Заметим, что на с. 53 *Сийар ал-акрад* Ахмед-бек именуется дедом отца Абдалкадира — Рустам-бека, а на с. 56 — уже дедом автора.

⁴ *Хадике-йи Насирийе* 2012: с. 140, 150; *Сийар ал-акрад* 1988: с. 51, 55.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: 53.

⁶ Там же, с. 51, 55.

второе — после эмиров — место в социальной иерархии. Соединялись не только две семьи и два древних рода, но и стоявшие за ними племена.

На основании хроники Абдалкадира Бабани можно утверждать, что клану *вакилей* в Арделане и семье автора в Бабанском эмирате принадлежало верховенство над племенами региона. Племена находились «под присмотром» этих семейств¹, поскольку формально в качестве главы племен выступал сам эмир. Именно он был верховным главнокомандующим, а ополчения племен составляли основную, элитную часть военных сил эмирата.

Племенная знать, вместе с подчиненными ей кочевыми племенами, потомственно несла военную службу эмиру. Племена, входившие в политическую структуру эмиратов Арделан и Бабан, такие как авроми, горан, джаф, оставались «государствами в государстве», и власть над ними была непрочной. Внутренние дела племени оставались за пределами регламентаций извне. Поэтому и требовался постоянный контроль-«присмотр» за лояльностью трибальных лидеров. Как этот контроль иногда осуществлялся реально, можно судить на примере племени дауде². Племена выступали опорой правящего дома и ревностно оберегали его от внешних посягательств, и именно военная мощь племен служила гарантией автономности эмиратов.

Автор коротко и точно поясняет, что означал союз двух могущественных семейств Юго-Восточного Курдистана. «Благодаря этому, — пишет Абдалкадир Бабани, — дела Мухаммада Рашид-бека обрели полную прочность. Весь Курдистан, Бабанский и Арделанский, стал подвластен его указу»³.

Заклученный матримониальный союз упрочил положение не только могущественного *вакиля*. К словам и указаниям Ахмад-бека, прародителя автора *Сийар ал-акрад*, отныне внимательно прислушивались в Арделане и в Бабане и его указаниям следовали⁴. Более того, для семьи Абдалкадира Бабани, для его деда, отца и его самого, это событие стало судьбоносным: жизнь всех троих отныне будет протекать в обоих курдских эмиратах поочередно. Оба высоких рода обрели мощную опору и прибежище

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 55.

² Племя дауде признавало власть Бабанов, а находилось в непосредственном подчинении у Махмуд-бека, дяди автора *Сийар ал-акрад*. Преданность племенного сообщества гарантировали женитьба Махмуд-бека на дочери вождя племени, а также рожденный его сын.

³ Там же, с. 53.

⁴ Там же, с. 53–54.

в экстремальных ситуациях, в которых недостатка в Курдистане не было никогда. Семья автора *Сийар ал-акрад* будет переживать все удары, которые обрушатся на клан *вакилей* в правление грозного Аманаллах-хана I. Связавшие два семейства узы не единожды укреплялись новыми браками и помогли им выстоять и выжить в години грядущих испытаний.

В правление Лутф Али-хана (1206/1791–92–1209/1795)¹ дед автора *Сийар ал-акрад* Ахмад-бек вдруг возымел по неуказанным причинам страх и опасения в отношении бабанского эмира Осман-паши (1200/1785–86–1207/1792–93)² и уехал в Арделан вместе с семьей и родственниками. Поселился он в доме *вакиля* у своей сестры, и принимали его с радостью и сам эмир, и *вакиль*. Лутф Али-хан посчитал его прибытие божественным благословением и, по словам автора *Сийар ал-акрад*, «изо дня в день умножал в отношении Ахмад-бека почести и уважение в надежде, что он оторвет свое сердце от Бабанского княжества и перетянет свое племя на сторону Арделана»³.

О том же радел и Мухаммад Рашид-бек *вакиль*, уговаривая родственника остаться в Арделанском эмирате. Все было напрасно, и, как пишет Абдалкадир Бабани, после двух лет проживания в Сенендедже Ахмад-бек уехал в Багдад, чтобы затем, после теплого приема багдадского паши, возвратиться в Сулейманию, уже отстроенную Осман-пашой в 1786 г.⁴ Между эмирами Арделана и Бабана Лутф Али-ханом и Осман-пашой тоже поддерживались дружеские отношения — по словам автора *Сийар ал-акрад*, они «постоянно играли в нарды братства»⁵. Автор явно намекает, что правители Арделана и Бабана побратались, как это сделали в свое время эмиры Бидлиса (дед Шараф-хана Бидлиси — эмир Шараф) и Бохтана (Шах Али-бек), заключившие «союз братства»⁶.

Между тем надвигались грозные события. После тяжелой болезни умер Мухаммад Рашид-бек *вакиль*, и его пост занял старший сын Фатх Али-бек, который деду автора хроники Ахмад-беку приходился племянником. Вскоре скончался и Лутф Али-хан, и между сыном Хусрав-хана Великого Аманаллах-ханом и Хасан Али-ханом б. Лутф Али-ханом, назначенным эмиром, разгорелась жестокая борьба за власть. В итоге благодаря помощи и поддержке четырех сыновей Мухаммада Рашид-бека

¹ Даты правления приводим по хронике Мирзы Али Акбара Курдистани (*Али Акбар Хронист Курдистани* 2012: с. 150).

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 125, 126.

³ Там же, с. 56.

⁴ Там же, с. 125.

⁵ Там же, с. 56.

⁶ См. Васильева 2003: с. 55.

вакиля на троне Арделанского княжества утвердился Аманаллах-хан. Он был суровым правителем, что не помешало арделанским хронистам назвать его Великим¹.

Сыновья Мухаммада Рашид-бека не могли предположить, «не знали того, что руками того самого Аманаллах-хана будет уничтожен их род»², — с горечью написал в своей книге Абдалкадир Бабани. Жестокий хан в первую очередь расправился с теми, кому был обязан властью. Обретенную кланом *вакилей* политическую мощь он принять и простить не смог, диктаторы не в силах сотрудничать с теми, кто способен претендовать на равенство с ними.

7-го рамазана 1217/ 1 января 1803 г.³ всех четверых братьев казнили в присутствии и при участии Аманаллах-хана. Когда подошла очередь старшего брата — Фатх Али-бека *вакиля*, — хан не отказал себе в удовольствии «пояснить» ему, почему он с ним так поступает: «Если в твоём присутствии были убиты трое твоих братьев, как я могу рассчитывать на твою преданность и любовь?»⁴ Фатх Али-бек *вакиль*, как и все братья, держался с достоинством и бесстрашием и был казнен без промедления. После того ханом был дан приказ истребить семью, и клан *вакилей* подвергся уничтожению. Не пощадили даже десятилетних детей, разграбили имущество и разрушили дворец. Жены убитых с малолетними детьми бежали, спрятались по отдалённым деревням и жили там, пока «их дети не выросли и не заняли снова место отцов»⁵. После этих событий почти на три десятка лет семья автора *Сийар ал-акрад* уезжает в Бабанский эмират, в его столицу — город Сулейманию.

Род Мухаммада Рашид-бека не ушел в небытие. Отважные, выносливые, преданные своей семье женщины: матери, сестры, племянницы, бабушки и жены казненных — те, которые избежали расправы и сумели убежать и затаиться, вскормили и вырастили детей. При описании правления сына Аманаллах-хана I Хусрав-хана Накама⁶ и его⁷ сына Риза-Кули-хана на страницах книги Абдалкадира Бабани снова появляются достойные отпрыски великого рода *вакилей* — и в их числе сыновья Фатх Али-бека

¹ См. Али Акбар Хронист Курдистани 2012: с. 152, 157.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 57.

³ Там же, с. 60. Абдалкадир Бабани — единственный из курдских историографов, описавший жестокие деяния Аманаллах-хана. Эта акция не была единственной.

⁴ Там же.

⁵ См. там же, с. 60–62.

⁶ Супругой его была Мах Шараф-ханум Курдистани.

⁷ Хусрав-хана Накама.

вакиля. Первыми были Мухаммад-бек и Мустафа-бек, убитые по приказу Хусрав-хана Накама вместе с Султан Али-беком б. Османом¹.

После них заявили о себе старший сын казненного Фатх Али-бека *вакиля* и сестры Ахмад-бека, поименованный Аманаллах-беком², и его двоюродный брат Али Мухаммад-бек. Вместе с теми, кто выжил из рода *вакилей*, минуя Сенендедж, они отправились в Тегеран и обратились с прошением к государю Ирана о справедливости. Просьба была отклонена, но Аманаллах-беку и остальным было разрешено жить в Исфахане и назначено содержание в 8 тысяч туманов³. За три года до смерти Хусрав-хана Накама (в июне 1834 г.) уцелевшая часть рода Мухаммада Рашид-бека *вакиля* была восстановлена в своих правах.

В дальнейшем, как мы увидим ниже, большую роль в их судьбе будет играть сын Ахмад-бека — Рустам-бек, он же отец Абдалкадира Бабани, автора *Сийар ал-акрад*. Ахмад-бек, могущественный дед историка, в книге больше не упоминается. По всей видимости, к тому времени он уже завершил свой жизненный путь, и во главе блистательного семейства автора *Сийар ал-акрад* отныне стоит его отец Рустам-бек.

Отец автора

Рустам-бек б. Ахмад-бек родился, по всей видимости, в столице эмирата Бабан городе Сулеймании в начале правления Абдаррахман-паши (правил с перерывами в 1789–1813 гг.). Это время стало золотым периодом в истории Южного Курдистана. По свидетельству источников, Абдаррахман-паша пользовался всей полнотой власти и обрел полную независимость — как писала Мах Шараф-ханум Курдистани, «он отвернулся от обеих держав, Ирана и Турции»⁴.

О временах его правления, о безопасности, царившей в его владениях, слагались легенды. Примером того может служить рассказ проводника Дж. Б. Фрэзера: «В дни Абдаррахман-паши, мой господин, ... вы могли бы ехать с драгоценностями на голове и с золотом в руках из одного конца пашалыка в другой..., и никто бы не спросил вас, куда вы едете»⁵.

Самой яркой политической акцией легендарного эмира было смещение багдадского паши Кючюк Сулеймана в 1810 г., описанное в хронике

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 72.

² Не присутствует ли здесь желание назвать сына именем убийцы его отца, чтобы помнить и не прощать?

³ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 72.

⁴ Мах Шараф-ханум Курдистани 1990: с. 158.

⁵ Fraser 1840: vol. I, p. 180.

Абдалкадира Бабани в разделе под заголовком «Война Абдаррахман-паши с везиром Багдада и захват того города»¹. В боевых действиях были и другие участники, но курдским миром события были восприняты однозначно. Курдская историческая традиция первое место отводила бабанскому эмиру Абдаррахман-паше, остальные участники событий² померкли в глазах курдов.

Абдаррахман-паша оставил свое княжество старшему сыну Махмуд-паше (1813³–1844, с перерывами) на пике подъема, и с самого начала его правления, как можно утверждать на основании хроники Абдалкадира Бабани, его отец Рустам-бек находился при эмире и был его советником. Махмуд-паша и Рустам-бек были женаты на сестрах, которые вместе с их братом Хаджжи-беком Мутасаррифом⁴ принадлежали к известному в Курдистане семейству сейидов. Та из сестер, которая была женой Рустам-бека, приходилась матерью автору *Сийар ал-акрад*, поэтому Абдалкадир Бабани по матери тоже был сейидом.

Принадлежность к дому сейидов, «весьма почитаемому в княжестве» и влиятельному, была столь весома, что без разрешения своей жены эмиру было «невозможно сделать ничего»⁵. Эта информация позволяет со всей четкостью представить расклад политических сил в эмирате Бабан в годы правления Махмуд-паши. Ближайшее окружение эмира составляли семьи Рустам-бека, отца автора, и дяди Абдалкадира Бабани по матери — Хаджжи-бека Мутасаррифа. Поэтому не вызывает ни удивления, ни сомнений, что все дела в княжестве «шли под присмотром и руководством Рустам-бека и Хаджжи-бека Мутасаррифа, а разрешение дел в эмирате было всецело отдано на их усмотрение. И были они богаты»⁶. Подчеркнуто главное: семье автора принадлежали власть и деньги, и до конца правления Махмуд-паши она занимала второе место после дома эмиров.

Первая половина правления Махмуд-паши прошла под знаком стабильности. Однако за высшей точкой взлета, как всегда, следовало начало

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 134. Описанная акция была, разумеется, экстраординарной, но верховенство багдадского паши выносилось с трудом во все времена.

² Подробнее см. Васильева 1991: с. 58–59.

³ Абдалкадир Бабани датирует приход Махмуд-паши к власти 1231/1815–16 г.

⁴ Мутасаррифами в Османской Турции именовались главы санджаков, на которые делились вилайеты. Адамов 1912: с. 64. Издатель хроники Хусрава б. Мухаммада — Исма'ил Арделан назвал звание мутасаррифа равнозначным титулу *вали*, который носили эмиры Арделана. См. *Любб-и таварих* 1977: с. 66.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 155.

⁶ Там же, с. 149.

падения. Обретенная во времена Абдаррахман-паши политическая стабильность в эмирате Бабан была взорвана шквалом междоусобиц внутри правящего клана.

Война за власть поощрялась и инициировалась со всех сторон, о чем свидетельствует К. Дж. Рич в своей книге красочно и даже неравнодушно. Политические расчеты в Стамбуле, Тегеране, Багдаде и Керманшахе строились на противопоставлении друг другу самых активных и влиятельных представителей правящих домов в Курдистане в целом и в Юго-Восточном Курдистане в частности. «Паша Багдада не может перенести, чтобы семья Бабан была единой, — писал К. Дж. Рич. — Грустно смотреть, как обманывает Махмуд пашу паша Багдада. Если бы он сознавал собственную силу и интересы, то мог бы заставить пашу Багдада делать то, что нужно ему, и обходиться с ним по своему усмотрению»¹.

Уже в начале 20-х годов XIX в. в Бабанском эмирате запыхал пожар междоусобиц. Дядя Махмуд-паши Абдаллах-паша и его сторонники, не полагаясь на свои силы, сразу бежали в Керманшах к царевичу Мухаммаду Али-мирзе². Тот принял беглецов благосклонно и предоставил в распоряжение Абдаллах-паши войско, в состав которого вошел полк бойцов из курдского племени горан. Встреча и сражение армий произошли в местечке Кушк-аспан. Войско из Керманшаха было разбито и бежало.

Первая попытка Абдаллах-паши свергнуть Махмуд-пашу провалилась. За ней из Керманшаха последовала вторая военная акция уже во главе с принцем Мухаммад Али-мирзой. На этот раз были разгромлены силы Махмуд-паши, он оставил Абдаллах-паше Сулейманию и укрылся в Койской крепости. Мухаммад Али-мирза осадил крепость, но разразившаяся эпидемия холеры сделала его более сговорчивым. Иранская армия отступила, а в 1821 г. Мухаммад Али-мирза умер. Тем не менее на сулейманийском троне оставался Абдаллах-паша, и на короткое время его одобрили и Багдад, и Керманшах.

И здесь в борьбу за Бабанский эмират включается еще один влиятельный участник — ставший после смерти Мухаммад Али-мирзы, старшего сына Фатх Али-шаха, наследником иранского престола Аббас-мирза

¹ Rich 1836: 314. Можно только добавить, что такие же, как паша Багдада, чувства испытывали в Стамбуле и Тегеране.

² В Керманшахе правил старший сын Фатх Али-шаха Каджара Мухаммад Али-мирза (годы жизни 1788–1821), названный Махди Бамдадом самым отважным и выдающимся из сыновей Фатх Али-шаха после Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане, четвертого шахского сына. Бамдад 1966: Т. III, с. 430–431.

Найиб ас-Салтане (1213/1798/99¹–1249/1833). Самый яркий персонаж иранской истории первой половины XIX в. и талантливый полководец, он сразу оценил роль курдов в противостоянии с Россией и Турцией. Обращение Махмуд-паши Бабана к Аббас-мирзе состоялось, по всей видимости, заблаговременно, до 1821 г., и дорогу «к порогу» Найиб ас-Салтане проложил не кто иной, как отец автора хроники Рустам-бек.

Миссия Рустам-бека при дворе всеильного наследника иранского престола оказалась настолько успешной, что между каджарским принцем и бабанским эмиром установились доверительные, дружественные отношения, закончившиеся породнением сторон.

Рустам-бек, несомненно обладавший дипломатическими способностями, был направлен Махмуд-пашой Бабаном к всеильному Аббас-мирзе Найиб ас-Салтане, чтобы заручиться его поддержкой. Это обращение состоялось, разумеется, еще до событий, связанных с мятежом Абдаллах-паши, и, как пишет Абдалкадир Бабани, его отец стал человеком, который «был вхож» к наследнику престола, заслужил его доверие и «считался одним из верных слуг того всемогущего господина»².

В 1821 г. Махмуд-паше Бабану и пригодилось расположение Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане, завоеванное Рустам-беком, «отцом бедняка-автора». Он вновь направил Рустам-бека в Тебриз с письмом и подобающим подношением для принца. Отец Абдалкадира Бабани был принят, и вскоре наследник престола вызвал в Азербайджан Махмуд-пашу, которому вручил и почетный халат правителя, и грамоту на управление Бабанским эмиратом.

Абдаллах-паша смирился, оставил Сулейманию, и у Махмуд-паши при такой поддержке больше не осталось соперников. Власть его окрепла, и когда багдадский паша потребовал выслать его *гулама* Давуд-бека Гурджи, обратившегося в поисках прибежища к эмиру Бабана, тот отказался выдать «человека, обратившегося к его дому за защитой»³. Ответ оскорбленного паши Багдада заставил Махмуд-пашу взяться за оружие, смущал лишь недостаток продовольствия в бабанских землях. Но прибыло письмо из Керманшаха уже от Мухаммад Хусейн-мирзы, сына Мухаммад Али-мирзы, вместе с провиантом. Каджарский принц угрожал напасть на Махмуд-пашу и «сокрушить его», если он подобно своему отцу не завоюет

¹ Год рождения Найиб ас-Салтане приводим по книге М. Бамдада (Бамдад 1966: т. II, с. 215). Ч. А. Стори (Стори 1972: т. II, с. 957) указывает 1203/1789 г. Наследник иранского престола традиционно занимал пост правителя Азербайджана.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 144.

³ Там же, с. 145.

Багдад. Как мы видим, иранская и турецкая стороны неотступно «защищали» интересы представителей бабанского клана, амбиции которых изошренно и хитроумно подогревали.

Затем, согласно *Сийар ал-акрад*, последовали осада и взятие Багдада Махмуд-пашой. Багдадский везир был обезглавлен, а Давуд-бек Гурджи, из-за которого разгорелись военные действия, посажен бабанским эмиром на его место. События в описании Абдалкадира Бабани не во всем совпадают с рассказом С.Х. Лонгригга. По Лонгриггу, везир Багдада Саид-паша (в *Сийар ал-акрад*: Асад-паша) был смещен османским султаном, но сдавать позиции без боя отказался. В результате Махмуд-паша действительно брал Багдад и объявлял Давуда главой Багдадского пашалыка, за что получил от С.Х. Лонгригга (как и его отец Абдаррахман-паша) звание *King-maker*¹.

Во всех военных походах и баталиях Махмуд-паши рядом с эмиром и членами правящего дома всегда находились отец автора хроники Рустам-бек, его братья и главы племен. В битве при Кушк-аспане был убит младший брат Рустам-бека Фатгах-бек, а второй брат Махмуд-бек, с которым, по словам автора, в Курдистане никто не мог сравниться храбростью и отвагой, получил двадцать четыре раны, не совместимые с жизнью. Когда бой закончился, бабанский паша самолично сел у его изголовья, не скрывая слез, а раны обработал еще один дядя автора — Хаджи-бек Мутасарриф.

На призыв к битве первыми откликнулись джафы, самое могущественное племя Юго-Восточного Курдистана, возглавляемое знатным домом Бегзаде, матримониальные связи с которым поддерживали семьи бабанских и арделанских эмиров и семейство Абдалкадира Бабани. В бою они направлялись в самые горячие точки.

Как держались беки племени джаф в бою Абдаррахман-паши с везиром Багдада, мы читаем на страницах *Сийар ал-акрад*: «Первыми [вышли] Абдалкадир-бек и Кай-Хусрав-бек, великие [мужи] из джафов муради. При их стремени в том походе было 3 тысячи человек. Сказали: “У нас к арабским племенам дело. Мы сразимся с ними, чтобы посмотреть, кто [из нас] мужчина, а кто — нет”»². Бок о бок с джафскими беками находились люди дома эмира. Азиз-бек б. Халид-бек, женой которого была дочь Абдаррахман-паши, известный в то время непомерной храбростью, тоже выступил вперед, «поцеловал перед его величеством пашой землю и сказал: “Со мной в этом походе 100 человек. Поручите мне захватить пушки везира!”»³

¹ Longrigg 1925: p. 231, 236.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 134, 135.

³ Там же, с. 135.

Когда битва закончилась, тело отважного зятя Абдаррахман-паши обнаружили растерзанным на куски, погибли и все его бойцы, но 150 пушкаррей были убиты тоже. И суровый, «с сердцем леопарда» эмир не удержался от слез, как и его воины. Таковы были в бою джафы и их *беки*, джафские лидеры. Во времена курдских эмиратов не было лучше бойцов, чем люди племени. Они рождались для битвы и были к ней готовы всегда.

За описанными выше событиями и взятием Багдада последовали шестнадцать лет единовластного правления Махмуд-паши в Бабанском эмирате¹. По словам автора *Сийар ал-акрад*, народ в княжестве благоденствовал, однако не дремала и смута. На этот раз претендентом на бабанский престол выступил брат паши Сулейман-бек. Читая дневник К. Дж. Рича, можно понять, что не выступать с подобными претензиями члены дома Бабан просто не могли: град вдохновляющих предложений сыпался на их головы с обеих сторон: из Багдада и Керманшаха. Махмуд-паша, прекрасно осведомленный о письмах, взял с ближайших родственников клятву, скрепленную словом Мавлана Халида Курда, которого, по словам К. Дж. Рича, сулейманийские курды называли святым и ставили «почти наравне с Пророком»².

Несмотря на такие меры, в начале 30-х годов XIX в. из Багдада прибыл брат Махмуд-паши со своими сторонниками и войском от Давуд-паши для покорения бабанской столицы и одержал над Махмуд-пашой победу. Путь смещенного эмира снова лежал на северо-восток в Тебриз, к Аббас-мирзе Найиб ас-Салтане. Наследнику иранского престола было преподнесено 30.000 туманов, и из Тебриза в Сулейманию Махмуд-пашу и его сторонников сопровождали два полка солдат и четыре пушки.

Наступила очередь Сулейман-паши³ после понесенного поражения бежать в Багдад к своему покровителю, а Махмуд-паша утвердился на правление. Зимой того же, по-видимому, 1832 года наследник иранского престола принял решение связать свою семью с семейством Махмуд-паши двойными родственными узами: посватать для своего старшего сына — Кахраман-мирзы — дочь Махмуд-паши — Халиме-хатун, а свою дочь обручить с Мухаммад Салих-беком б. Махмуд-пашой. Однако из двух планов осуществлен был лишь один. Кахраман-мирза прибыл в Сулейманию, был принят со всем почетом и с молодой женой уехал в Азербайджан.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 146. Цифра 16, которую приводит Абдалкадир Бабани, представляется завышенной.

² Rich 1836: v. I, p. 141.

³ Утвердившись правителем, он успел сменить звание бека на титул «паша».

Менее чем через полгода Махмуд-паша подвергся новой атаке брата, после понесенного поражения выехал к Аббас-мирзе и при помощи иранского войска снова стал правителем эмирата Бабан. «За четыре года, — заключает автор *Сийар ал-акрад*, — шесть раз два брата по очереди забирали власть в вилаете Бабан, и из-за [этих] захватов в том княжестве произошли великие разрушения»¹.

В 1833 г. умер всемогущий покровитель Махмуд-паши Аббас-мирза Найиб ас-Салтане, и в делах паши наступило полное расстройство, он отказался от власти по собственной воле и укрылся в обители сейидов² и шейхов братства Накшбандийе. Знать Бабана приняла сторону Сулейман-паши. Отказались его признать лишь самые преданные и близкие из окружения Махмуд-паши: его племянник Мухаммад Амин-бек, отец автора хроники Рустам-бек и Хаджжи-бек Мутасарриф. Именно им при Махмуд-паше принадлежала власть в эмирате, и, когда он отстранился от дел, они бежали с семьями в Киркук, «охваченные страхом»³.

Сулейман-паша несколько дней думал, как возратить их обратно, и призвал на помощь брата Рустам-бека и дядю автора, Махмуд-бека, который взял сторону Сулейман-паши в его конфликте с Махмуд-пашой⁴. Беглецы, поверив обещаниям и клятвам, возвратились в Сулейманию. Недолго, всего пять дней, прожили они спокойно, а затем оказались под арестом, и за освобождение от них потребовали по 100 тысяч туманов с каждого. В течение двух месяцев Хаджжи-бек выплатил 70 тысяч туманов, а отец автора — 50. Но, даже освобождая их из оков, заставили поручиться четвертых местных купцов: «если эти двое сойдут с пути повиновения, они выплатят 10 тысяч туманов»⁵.

Через два месяца Рустам-бек и Хаджжи-бек вместе с присоединившимся к ним братом Рустам-бека Махмуд-беком, тщательно подготовленные, вместе с женами, детьми и членами дома в сопровождении двухсот конников, из которых «каждый был подобен [легендарному] Исфандийару», взяли путь на Киркук⁶. Выезжали из города в полночь тайком, но дядя автора

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 148.

² Вспомним, что к семейству сейидов принадлежали супруга Махмуд-паши, ее сестра — мать Абдалкадира Бабани и их брат — Хаджжи-бек Мутасарриф.

³ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 149.

⁴ По причине частых междоусобиц и отсутствия стабильности члены таких семей, как семейство Рустам-бека, могли поддерживать разные соперничающие стороны, чтобы семья возможно меньше пострадала при любом раскладе политических сил и смогла сохраниться.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 150.

⁶ Там же.

Махмуд-бек, который славился своим удальством, не преминул заявить первому, кто им встретился, и про бегство, и про то, что много имущества захватили с собой¹, с тем, чтобы тот сообщил об этом Сулейман-паше.

Погоня последовала без промедления, и в двух стоянках от Сулеймании их нагнала тысяча конников во главе с сыном паши. Был сезон дождей, которые шли без перерыва, и в результате преследуемые и преследователи оказались на противоположных берегах речушки, которая разлилась и пересекла им дорогу. В создавшемся положении неугомонный и неустрашимый Махмуд-бек, дядя автора, обратился к конникам из Сулеймании с призывом помериться силами, но те сочли за благо укрыться в ближайшей деревне.

С такими приключениями добрались до Киркука, где их ждало упоминавшееся ранее племя дауде, которое проживало и обрабатывало землю в той области. Махмуд-бек взял в жены дочь одного из вождей племени, имел от нее сына, и, как пишет автор, «30 сотен храбрых конников всегда находились при стремени Махмуд-бека»². Несмотря на присутствие такого отряда, брат Рустам-бека вскоре после приезда в Киркук был коварно убит людьми, подосланными везиром Багдада. Отец автора, семья, сородичи были в полном отчаянии. Хаджи-бек Мутасарриф направился в Мекку паломником, остальные возвратились в Сулейманию.

Тем временем Махмуд-паша Бабан снова решил возвратиться в политическую жизнь, но везир Багдада всевозможными обещаниями заманил его к себе в Багдад, а затем хитроумно отправил в Стамбул. Его отсутствие длилось год, и Рустам-бек, отец автора, занимался его делами. Столь подробно мы изложили все это потому, что судьбы всех участников событий неразделимы. В них мог «принимать участие»³ сам автор хроники, хотя, по всей видимости, он только что появился на свет и был еще очень мал.

Рустам-бек, его родитель, будучи в подавленном состоянии из-за смерти брата, а также по причине отъезда Махмуд-паши в Стамбул, принимает решение, судьбоносное для него самого, для всей семьи вообще и для Абдалкадира Бабани, автора книги, в частности. Он решил больше не оставаться в Сулеймании и уехать в Иран.

Отъезд не содержал в себе точки невозврата — такого в стране курдов, тем более в Юго-Восточном Курдистане, быть не могло. Однако в Иране

¹ В состав этого имущества входил скот, который при отъезде Рустам-бека в Иран захватили хамавандские конники. См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 73.

² Там же, с. 151.

³ См. ниже.

Рустам-бек вынужден будет погрузиться в иную политическую ситуацию и следовать иным ориентирам. Главный из этих ориентиров — наследник иранского престола Аббас-мирза, породнение с которым Бабанской фамилии сулило захватывающие дух перспективы, — выбыл из политического контекста. Тем не менее оставался его старший сын, он же — зять Махмуд-паши, а главное, там находился княжеский дом Бани Арделан и эмир-рат Арделан, где прибывшим из Сулеймании были рады всегда, где ждали родные и близкие люди. Они оставались едины, эмираты Бабан и Арделан, несмотря на ирано-османскую границу, которая рассекала Курдистан на две части.

Отец автора хроники выехал из Южного Курдистана, по-видимому, в 1835 г. Путь Рустам-бека, его семьи и сопровождающих вначале лежал до окрестностей Багдада вместе с арабским племенем са'адун, а затем — уже с паломниками в Керманшах.

Были все основания предполагать (это так и произошло), что за ним не преминут отправить погоню и отнюдь не с желанием уговорить возвратиться. Отсюда такая траектория пути, менялись направление и попутчики. Речь шла о жизни самого Рустам-бека и всей его семьи. О том, что в поездке участвовал и малолетний автор хроники, становится понятным неожиданно, по местоимению «мы» и пояснениям относительно возраста Абдалкадира Бабани. Описания «путешествия» Рустам-бека, приведенные в главах 3 и 5 *Сийар ал-акрад*, немного отличаются в деталях¹.

После шести дней пути в окрестностях Касри Ширин их настигли три сотни конников, отправленные Сулейман-пашой вслед за ними «с целью убить и ограбить»². При Рустам-беке было всего 50 конников, из которых несколько человек были убиты и ранены. «Было захвачено все имущество и скот (!), и **мы** ступили, — пишет автор хроники, — на землю Аджамара раздетые и пешком, а в ту пору возраст бедняка[-автора] не превышал трех лет»³.

Уцелевшее от грабежа золото и драгоценности, зарытые в землю, составили 2 тысячи туманов, и, когда грабители убрались, «достали [спрятанное] и в местечке [округа] Зохаб раздобыли одежду и головные уборы

¹ См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 73–74 и 152–153.

² Там же, с. 73. Ниже (с. 153) названы окрестности Зохаба. Касри Ширин — городок в округе Зохаб.

³ Там же, с. 73. С помощью единожды употребленного местоимения «мы» становится понятно, что автор *Сийар ал-акрад* при всем его малолетстве участвовал в описываемых событиях.

для себя и сопровождающих»¹. Затем следует десятидневное пребывание в Керманшахе и приезд в столицу Арделанского княжества.

В Сенендедже их ждали² как своих родных и уважаемых людей, приезд которых вызывал радость, желание помочь в непростой ситуации и приютить. Там уже были готовы к приему, и, чтобы их встретить за несколько километров до Сенендеджа, выехали Мирза Фараджаллах везир и другие родственники из рода *вакилей*. «Малый и великий, самые высокочтимые и простой люд³ проявили чувства, порождаемые принадлежностью к племени [курдов]»⁴. Авторский текст примечателен, и к нему мы еще вернемся. Внимания заслуживает употребленный в тексте термин *илият* для обозначения чувств соплеменности, принадлежности к одному народу. Он используется автором *Сийар ал-акрад* многократно и приводит к некоторым выводам⁵.

Рустам-бек был милостиво принят государем Ирана Мухаммад-шахом Каджаром (1834–1848), братом Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане, обласкан придворными. Ему назначили жалованье — 800 туманов в год, а в Азербайджане, совместно с сыном Махмуд-паши Али-пашой⁶, который находился в Тебризе, определили округ Сердешт с доходом в 3 тысячи туманов — на двоих. Ежегодно отец автора уезжал в Азербайджан, а на зиму возвращался в Сенендедж⁷.

В 1252/1836–37 г. в Сулеймании умер от плеврита Сулейман-паша. На бабанском троне воссел его сын Ахмад-бек⁸ и стал именоваться Ахмад-

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 74.

² В Курдистане, несмотря на непростые условия среды обитания и сложности политической ситуации, получение информации, как отмечали некоторые авторы, стояло на высоте. Жизнь научила, и в условиях гор и бездорожья в курдской среде были выработаны простые и всем понятные быстрые сигналы. Всюду рассылались разведчики. См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 104. Известие о намечавшемся событии практически всегда опережало его реализацию, и быстрота, с которой передавалась информация в Курдистане, европейцев поражала. «Во время моего пребывания в Курдистане и проводя операции против племен, я имел возможность многократно убедиться в работе их системы передачи сообщений. Однако, как это получалось, должен признаться, я не смог понять». См. Millingen 1870: p. 120.

³ Букв. «[люди] низкого положения».

⁴ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 74.

⁵ См. ниже, с. 72–75.

⁶ Автор немного поспешил поименовать его пашой, он станет пашой лишь через год.

⁷ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 73, 153.

⁸ С. Дж. Эдмондс приводит другую дату прихода к власти Ахмад-паши — 1254/1838–39 г. Edmonds 1957: p. 52–53.

пашой. Абдалкадир Бабани, автор *Сийар ал-акрад*, явно с симпатией относился к Ахмад-паше и его правлению — по его словам, после междоусобиц в княжестве был наведен порядок, и «грабительская рука злодеев и разбойников на дорогах была отрезана от эмирата Бабан. При полном благополучии прошли четыре года»¹.

Такое состояние дел в Курдистане было невыносимо для Ирана и для Турции, во все времена оно вызывало у обеих держав неодолимое желание вмешаться и посеять смуту. Иран никогда не отказывался от притязаний на бабанские земли, и, если следовать хронологическим пометам автора *Сийар ал-акрад*, в 1840 г. шахским указом сын Махмуд-паши Али-паша был назначен² правителем Бабана, а отец Абдалкадира Бабани — при нем полномочным распорядителем³. Заявленные полномочия необходимо было еще реализовать, и самым убедительным аргументом в пользу заявленных прав были два полка солдат и шесть пушек, а также участие в походе везира Арделана и правителя Мукринского Курдистана с тысячей конников.

Тем временем Махмуд-пашу отпустили из Стамбула. Он прибыл в окрестности Мосула, и «большинство бабанцев оставили Ахмад-пашу и поспешили на службу к Махмуд-паше»⁴. В княжестве создалась достаточно тревожная ситуация.

Ахмад-паша сопротивляться не стал и встретил как гостей Али-пашу и *сартину*, командующего иранскими полками, которые примчались в Сулейманию первыми. Наступает момент, когда события в нужное русло направил именно отец автора Рустам-бек, хотя главное принятое им решение — кому быть правителем — в книге не упоминается. Не говорится

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 153.

² Немалую роль при этом назначении сыграл факт, что матерью Али-паши была подданная Ирана — дочь Калб Али-хана Фейли, правителя Луристана. Махмуд-паше ее подарил (!) Фатх Али-шах Каджар (1797–1834) в наказание ее отца за непокорность. Тот поднял восстание, невзирая на то что его жена и дети «все время проживали в стольном городе Тегеране как заложники» (*Сийар ал-акрад* 1988: с. 155), и государь поклялся, что отдаст его дочь, али-илахи [по вероисповеданию], в жены сунниту. Али-илахи (букв. «обожествляющие Али») представляли собой крайнюю шиитскую секту, и такой придуманный шахом брачный союз являлся понятным испытанием для вступающих в брак, но Махмуд-паша выполнил свою миссию с достоинством. Лурская княжна стала его женой и родила ему сына, которого назвали Али — именем святого, ставшего эпонимом конфессии. См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 155; Петрушевский 1966: с. 307.

³ Функции отца автора книги обозначены как *مملکت داری اختیاردار* или «обладание полномочным правом распоряжаться в княжестве» при Али-паше, назначенного правителем (به حکومت) *Сийар ал-акрад* 1988: с. 153.

⁴ Там же, с. 153.

и о том, был ли поставлен эмиром Бабана Али-паша. По всей видимости, на несколько дней Али-паша эмиром стал, об этом свидетельствует звание «паши», которое присутствует в его имени. Но при этом возникло важное для Рустам-бека обстоятельство. Пришло письмо от Махмуд-паши, которому он был предан всей душой, а в письме содержались четкие указания: Али от мыслей о правлении удержаться, а полки Ирана повернуть назад, заверив при этом, что Бабан будет принадлежать Ирану¹.

Пока Рустам-бек обдумывал и выполнял полученные директивы, в Сулейманию «со всеми бабанцами и войском Багдада» вступил Махмуд-паша. И тогда Рустам-бек «забрал Али-пашу и отвел к Махмуд-паше». Тот весьма обрадовался их приходу, сразу утвердился на троне бабанского правителя и правил год². Али-паше он отдал вместо обещанного округа Карадаг близ Сулеймании округ Сурдаш, тот не выдержал и сбежал в Ирак, а оттуда в Иран. Ахмад-паша попытался укрыться у джафов, но убежища не получил — джафы хранили преданность Махмуд-паше, сыну великого Абдаррахман-паши.

Таков рассказ автора, в котором явно ощутимы недоговоренность и несостыкованность описываемых событий. Авторский сюжет о том, как покоровившийся Ахмад-паша вручал иранскому полковнику 5 тысяч туманов, вьючных мулов и арабских скакунов, вполне реалистичен, однако он явно закрывает авторскую паузу и нежелание рассказать, как Рустам-бек вышел из непростой ситуации, и, вопреки шахскому указу, его стараниями на бабанском троне оказался не Али-паша, а Махмуд-паша.

Правление Махмуд-паши продолжалось не более года, уже в начале 1841 г. он «отрекся от державы рода Османа³» и подвергся нападению своего племянника Ахмад-паши, который, по словам Мах Шараф-ханум Курдистани⁴, получил приказ от самого османского султана⁵ прогнать Махмуд-пашу из эмирата Бабан. За этим последовало возвращение в Иран, к Мухаммад-шаху Каджару, и приказ шаха эмиру Арделана оказать Махмуд-паше помощь и «вторично утвердить правителем его владений»⁶, и Махмуд-паша с почетным халатом правителя и указом о его назначении едет в Курдистан. Реставрация власти Махмуд-паши не состоялась.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 154.

² См. там же, с. 154–156.

³ Турции.

⁴ Мах Шараф-ханум Курдистани 1990: с. 187.

⁵ Согласно *Сийар ал-акрад* (*Сийар ал-акрад* 1988: с. 156), приказ исходил от Али-Риза-паши из Багдада.

⁶ Там же.

Ответственным за поражение благодаря интригам своего везира стал арделанский эмир Риза-Кули-хан. В результате он утратил власть, и его сменил брат Аманаллах-хан II. Борьба двух братьев из-за власти только начиналась. В нее отныне будут втянуты все: Махмуд-паша, который возвратится в Арделан и примет в ней активное участие на стороне Риза-Кули-хана; Рустам-бек и с ним семейство *вакилей*, пережившее в начале XIX в. серьезный удар. Однако удар, нанесенный княжескому дому Бабан, будет несопоставим. Через несколько лет власть Бабанов рухнет.

Когда уничтожали эмират Бабан, Махмуд-паша находился в Иране — по всей видимости, в столице эмирата Арделан Сенендедже. Полностью вписавшийся в местную политическую ситуацию, он принимал активное участие в войне двух братьев на стороне Риза-Кули-хана. Мах Шараф-ханум упоминает Махмуд-пашу в своей книге при описании событий 1846 г.¹

Насирадин-шах Каджар, придя в 1848 году к власти, хотел было направить Махмуд-пашу и его людей в мукринский округ Сердешт². Однако, согласно *Сийар ал-акрад*, вся тысяча бабанских семей, которые его сопровождали, ехать в Сердешт отказалась и направилась в Бабанский Курдистан. «*Асхабы*³ паши бежали, — написал Абдалкадир Бабани, — и Махмуд-паша тоже был вынужден выехать из Ирана в Багдад»⁴. Он даже не заехал в Сулейманию, лишь отослал туда свою семью. При нем остались три его сына: Абдаррахман-бек, Мухаммад-Салих-бек и Абдаллах-бек, и они будут с ним, когда его вызовут в Стамбул, ко двору султана. Там они и останутся, пока не умрут: Махмуд-паша и два его сына, Мухаммад-Салих-бек и Абдаллах-бек. Лишь один из них возвратился из Стамбула в Багдад. Его жена и дочь тоже скончались. «Словом, — заключает автор, — погибло [все]»⁵.

Отец Абдалкадира Бабани оставался с Махмуд-пашой до конца его пребывания в Иране, до 1848 г. — был его советником, сохранял былую преданность и выполнял поручения. Он был с ним рядом и тогда, когда встал вопрос о переезде Махмуд-паши в Азербайджан и вся тысяча бабанских семей бежала в Сулейманию. Однако уехать с Махмуд-пашой в Багдад Рустам-бек не смог, слишком глубокие корни пустило

¹ Мах Шараф-ханум Курдистани 1990: с. 176, 177.

² Уже освоенный его сыном Али-пашой и Рустам-беком, отцом автора. См. выше, с. 24.

³ *Асхабами* именовали преданных соратников пророка Мухаммада.

⁴ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 159.

⁵ Абдалкадир Бабани знал, что писал, поскольку его книга сочинялась в 1868–1871 гг., когда оба княжеских дома — Бабан и Бани Арделан — уже были смещены.

его семейство в Арделане, породнившись с кланами *вакилей* и везиров. Их судьбы были отныне связаны воедино, и благодаря его, Рустам-бека, усилиям семья *вакилей* поднялась из пепла. В правление Риза-Кули-хана, сына Хусрав-хана Накама, «вершителем и полномочным распорядителем»¹ дел в эмирате стал сын убитого в 1803 г. Фатх Алибека — Аманаллах-бек *вакиль*. Внук всеильного Мухаммад Рашид-бека *вакиля* и племянник отца Рустам-бека «занял пост и высокое положение своих отцов»² и тоже стал *вакилем*.

Это было время нового взлета и подъема семейства *вакилей*. Риза-Кули-хан «полностью предоставил на его усмотрение решение всех дел в Курдистане»³ и поддержание порядка на границе, а сам круглосуточно занимался увеселениями и радостями жизни⁴. Но так продолжалось, по всей видимости, не более двух лет. Мать эмира и его брат Аманаллах-хан внимательно следили за событиями в Сенендедже. Их стараниями Риза-Кули-хан был смещен, а Аманаллах-хан назначен правителем Арделана.

Аманаллах-бек *вакиль* сразу выехал в Авроман вместе со своими родственниками и племенами⁵ и стал ждать, как определятся в Сенендедже со сторонниками Риза-Кули-хана, вызванного в Тегеран. Его (Риза-Кули-хана) жена — каджарская принцесса Туба-ханум — оставалась в Сенендедже во дворце эмира и, обиженная обхождением Аманаллах-хана II, дала знать о том Аманаллах-беку *вакилю* и просила защитить ее интересы. *Вакиль*, взволнованный письмом, поведал о нем своим подопечным, Хасан-султану и Ахмад-султану Авроми. Горячие авроманские *султаны* в один голос поклялись исполнить волю *вакиля*, их господина. В результате, оставив в Авромане жену и детей, Аманаллах-бек с тысячей конников из племен и с двумя тысячами авроманских стрелков⁶ пошел на Сенендедж.

Дальнейшие события сложились неблагоприятно для Аманаллах-бека *вакиля*. Состоявшееся сражение выиграть не удалось, а со стороны Аманаллах-хана Арделана были использованы все средства, чтобы заманить его в Сенендедж.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 76.

² Там же.

³ Курдистане Арделанском.

⁴ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 76.

⁵ В тексте: «со своим *хелем*, *хашамом* и *таифе*». См. там же, с. 77.

⁶ Там же, с. 78. Авроманские стрелки славились на весь Курдистан и за его пределами.

Далее следует подробное описание событий, неизбежность которых просчитывалась с самого начала. После «теплой» встречи и объятий уже по дороге в Сенендедж Аманаллах-бека заставили спешиться, сняли головной убор и пояс с мечом. Пешком, впереди своего коня, он продолжил путь до города, и сразу по прибытии в Сенендедж его сын и племянники, сыновья сестры, были арестованы¹. Их заковали в цепи и увели в место заточения.

Сам Аманаллах-бек *вакиль* был взят под стражу, содержался во дворце эмира, и через 18 дней его убили. Несколько дней содеянное держали в тайне, а когда о том стало известно, тело предали земле Мухаммад Амин-бек б. Джемшид-бек из рода² *вакилей* и два служителя культа. Убийство Аманаллах-бека *вакиля* стало политически значимым событием³ и могло вызвать смуту в городе. Клану *вакилей*, который временами мог противостоять дому арделанских эмиров, был нанесен новый удар. Событие очень больно задело и Рустам-бека. «Отец бедняка[-автора], — читаем мы в хронике Абдалкадира Бабани, — по всем резонам имел родство с семьей *вакиля* и к тому же только что обручил свою дочь⁴ с сыном *вакиля*»⁵.

Со всей присущей ему решимостью, просчитав свои возможности и задействовав преданных ему людей, Рустам-бек приступил к операции по освобождению будущего зятя и родственников, по всей видимости, сразу после того, как Аманаллах-бека *вакиля* доставили в Сенендедж. В полночь он послал своих людей к месту заточения, а сам и еще 40 человек встали поблизости в полной готовности прийти на помощь. В стене был сделан лаз, и заключенных вывели наружу, а затем с десятью конниками умчали их к джафам, чьи летовья находились в 15 фарсах⁶ от города Сенендеджа. Расставшись с ними, — рассказывает автор *Сийар ал-акрад*, — через несколько дней к ним поехали снова, и «оттуда мы выехали»⁷ к правителю

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 79.

² В тексте: *таифе*.

³ Даже спустя четыре десятка лет, когда Мирза Али Акбар Курдистани писал первую версию своей книги *Хадике-и Насирийе*, он ограничился, по всей видимости, из осторожности, лишь кратким упоминанием об этом убийстве, что послужило причиной более поздних дополнений и вставок, авторских и неавторских. См. Али Акбар Хронист Курдистани 2012: с. 161–163.

⁴ Сестру автора *Сийар ал-акрад*.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 80.

⁶ ~ 90 км.

⁷ О том, что в операции по освобождению заключенных участвовал автор хроники *Сийар ал-акрад*, которому уже было около 16 лет, можно догадаться единственно по глаголу *رفتيم* с окончанием первого лица множественного числа.

Саккыза Мухаммад-султану»¹. По соблюдении траура по убитому *вакилю* состоялась еще одна поездка к джафам к озеру Мариван, а затем в Гяррус и Исфандабад².

Через три месяца к власти в эмирате Арделан снова пришел Риза-Кули-хан, и по соблюдении траура по Аманаллах-беку он назначил *вакилем* его старшего сына Асадаллах-бека, по-видимому уже ставшего зятем Рустам-бека, отца нашего автора. После года «полностью независимого» правления³ Риза-Кули-хана наступило тяжелое время для самого эмира, его окружения и для всего населения Арделана. Риза-Кули-хана обвинили в измене шаханшаху Ирана, в бунте⁴, и в цепях отослали в Тегеран, а затем заточили в деревне Тарджиш, где находились государственные арсеналы. В Сенендедже стал править Хусрав-хан Гурджи, шахский назначенец, не принадлежавший ни к курдам, ни к княжескому дому Бани Арделан.

Несколько человек из семьи *вакилей*⁵ и другие знатные курдистанцы отправились к шаху, просили вернуть Риза-Кули-хана. Дядя *вакиля* даже заявил, что не подчинится никому другому, кроме Риза-Кули-хана, за что получил около 7 тысяч ударов палками⁶. Но в сентябре 1848 г. Мухаммад-шах «приобщился к божественной милости», умер, и курдские бунтари устремились в деревню, где находился в заточении Риза-Кули-хан. Он тут же был освобожден, но радость была недолгой.

Риза-Кули-хана снова обвинили в заговоре и мятеже и «обrekli беднягу на вечное заточение»⁷. Поддержка, оказанная ему «знатью и простонародьем», всем населением Арделана, вызвала у иранских властей страх и раздражение. Не будем забывать при этом, что арделанский эмир был в числе курдских лидеров, присоединившихся к Священному союзу⁸. Информация, приведенная в *Тарих-и Мардух*, помогает нам хоть в какой-то степени оценить масштабы личности Риза-Кули-хана и освободиться от навязанных арделанскими хронистами стереотипов. Вместо беззаботного

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 80.

² В этом предложении употребленный автором глагол *رسیدیم* «мы доехали» помогает нам понять, что Абдалкадир сопровождал отца и в этой поездке.

³ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 81.

⁴ Там же.

⁵ Заметим, что за семьей *вакилей* стояли племена, которые также находились на стороне Риза-Кули-хана.

⁶ Там же, с. 82.

⁷ Там же, с. 83.

⁸ См. ниже, с. 84.

весельчака и гуляки, какого мы видим порой на страницах книги Абдалкадира Бабани¹, появляется лидер, сориентированный на национальную идею и заплативший за нее свободой, а затем и жизнью.

Позиция, которую занимали при этом Рустам-бек, отец автора *Сийар ал-акрад*, и его зять Асадаллах-бек *вакиль*, не вызывает сомнений. И тот и другой стояли всецело на стороне Риза-Кули-хана и готовы были за ним следовать. Асадаллах-бек и поехал вслед за Риза-Кули-ханом, когда тот бежал из Сенендеджа в Керманшах, но его возвратили назад в Сенендедж и заставили согласиться служить Аманаллах-хану II. Служил он явно по принуждению, а в 1275/1858–59 г. уехал в Тегеран жаловаться на притеснения, захват имений и утрату звания *вакиля*. В Тегеране Асадаллах-бек был утвержден в звании хана и в должности *вакиля*, получил отцовское жалованье и награды и в Курдистан возвратился уже Асадаллах-ханом *вакилем*².

При описании событий последнего десятилетия правления эмиров Арделана и назначения губернатором Арделана царевича Фархад-мирзы Каджара отец Абдалкадира в его книге более не упоминается. В начале последней, десятой, главы *Сийар ал-акрад*, которая закончена 24-го дня месяца зу-л-ка‘де 1286/25 февраля 1870 года, Рустам-бек в первый и единственный раз назван покойным (مرحوم)³. Поскольку 1286 г. х. приведен в качестве текущего уже в 5-й главе, можно сделать вывод, что произошло это в 1870 г.

Автор

Годы жизни. Об авторе известно немного: лишь то, что сообщает он в своей книге. Издатель текста хроники Мухаммад Рауф Тавакколи писал, что годы жизни его неизвестны⁴, однако год рождения Абдалкадира Бабани установить можно при всей скудости информации.

Год рождения определяется по двум авторским ремаркам, первую из которых мы находим в рассказе о прибытии отца Абдалкадира Бабани

¹ См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 76.

² Как видно, в Арделане произошла девальвация ханского звания, и оно перестало быть монополией дома эмиров. Там же, с. 86, 87.

³ Там же, с. 195. Автор вспоминает о том, как он с отцом и другими «знатными людьми Курдистана» сопровождал эмира Риза-Кули-хана при осмотре местной достопримечательности — пещеры в округе Карафту. Мирза Али Акбар Курдистани также упоминает в своей хронике и эту пещеру, и факт ее посещения Риза-Кули-ханом с сопровождающими его знатными персонами. См. Али Акбар Хронист Курдистани 2012: с. 61, 62.

⁴ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 20.

в Зохаб: «В это время возраст бедняка[-автора] составлял три года»¹. Поскольку рядом упоминается о воцарении Мухаммад-шаха Каджара, которое состоялось в 1835 г., то для выяснения года рождения достаточно из цифры 1835 вычесть 3, и мы получаем искомую дату — 1832 г., разумеется, с долей приблизительности².

Второе упоминание автором своего возраста обнаруживается в главе 7, посвященной Мукринскому Курдистану. «Правил Абдаллах-хан [Мукри], — пишет Абдалкадир Бабани, — тридцать лет тому назад, и в то время возраст бедняка[-автора] составлял не более 7–8 лет»³. Отправной точкой для подсчетов послужил в данном случае текущий год, а таковым на тот отрезок времени является 1286 г. х. При вычитании от 1286 цифровых значений 30 и 7 или 8 получается (снова с долей приблизительности) 1248/1832–33 или 1249/1833–34 г. Результаты подсчетов почти совпадают, и 1832 г. представляется наиболее вероятным в качестве года рождения Абдалкадира Бабани, автора хроники *Сийар ал-акрад*⁴.

Обозримый отрезок жизненного пути Абдалкадира Бабани начинается в 1247/1831–32 г. в городе Сулеймани, столице эмирата Бабан. Переезд в Сенендедж, столицу Арделана, состоялся в 1835 г., когда Абдалкадиру б. Рустам-беку было три года. Приезжала ли семья автора хроники в Сулейманию в 1840 г., когда Махмуд-паша на год стал бабанским эмиром, а Рустам-бек в его возвращении во власть принимал самое активное участие, остается неизвестным. В любом случае с 1841 г. автор *Сийар ал-акрад* проживал в Сенендедже, где и получил образование.

О немногочисленных эпизодах дальнейшей жизни автора (например, участие в освобождении сына и родственников Аманаллах-бека *вакиля*) мы рассказали ранее. Ясно, что он всегда находился при отце, и Рустам-бек уделял своему сыну, его воспитанию и обучению неустанное внимание.

В своей книге (а другие источники информации отсутствуют) Абдалкадир Бабани предпочел оставаться в тени, лишь изредка роняя на свой жизненный путь камушки-пунктиры: имя, время рождения, переезд в Иран, хроника, которую он начал писать 1 декабря 1868 года, через год после

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 73.

² Заметим при этом, что точную дату своего рождения автор, по всей видимости, не знал.

³ Там же, с. 174.

⁴ А. Мардух Курдистани назвал годом рождения автора *Сийар ал-акрад* 1247/1830 г. (Abdollah Mardukh 1988: с. 44). Однако заметим, что 1247 г. х. при переводе на христианское летоисчисление соответствует 1831–1832 г. Поэтому А. Мардух Курдистани, приводя 1247 г. х., подтверждает полученную нами дату.

смещения дома Бани Арделан и назначения принца Фархад-мирзы губернатором и девять месяцев спустя после его прибытия в Сенендедж. Уже по приведенным фактам ясно, что побудило Абдалкадира Бабани к написанию хроники. Таким побудительным фактором послужило желание рассказать, донести до потомков свою правду о падении курдских эмиратов Арделан и Бабан. Первая половина его жизни пришлась на переломный период в курдской истории, связанный со смещением «голубых кровей курдских беков с их в течение долгого времени независимых или вассальных тронов»¹. С семьями смещенных эмиров Арделана и Бабана автор и его семейство были связаны настолько тесно, что с их уходом коренным образом поменялась и их жизнь.

25 февраля 1870 г. Абдалкадир Бабани принял решение прервать работу над хроникой. При этом он пообещал: «Если тому поспособствует Господь, книга будет завершена, и для этого будут приложены старания»². Автор вернулся к книге через год, в 1288/1871–72 г., но ограничился при этом, как он сам признается, «несколькими словами»³, а также некоторыми изменениями, внесенными в авторское предисловие. При этом и в конце книги, и в тексте авторского введения снова появляются жалобы на «смятенность чувств и растерянность»⁴.

Как можно понять из части 2 авторского предисловия, историограф, прервав в 1870 г. написание книги, через год принял решение выехать в Южный (Сулейманийский) Курдистан. В виду важности такого поворота в судьбе Абдалкадира Бабани обратимся к тексту введения непосредственно и постараемся уловить важные для нас моменты.

«Во имя Бога милостивого, милосердного! — читаем мы в хронике. — ...Пишущий [эти] строки бедняк Абдалкадир б. Рустам ал-Бабани выскажется так. В [переживаемый нами] отрезок времени благодаря благодеяниям могущественного властелина и самодержца, унаследовавшего трон Кейана⁵..., — хакана Насираддин-шаха Каджара⁶ Иран стал предметом зависти райских садов и вызывает ревность у эпохи [самого Хусрава] Ануширвана, в особенности область курдов, озаренная лучами справедливости и правосудия всемогущего царевича Му‘тамад ад-Дауле Фархад-мирзы, лучшего из сынов покойного наследника престола прославленного

¹ Longrigg 1925: p. 287.

² *Сийар ал-ақрад* 1988: с. 200.

³ Там же, с. 206.

⁴ Там же, с. 27, 200.

⁵ Легендарный властелин Ирана времен древности.

⁶ Годы правления 1848–1896.

Аббас-мирзы... Разом были повержены и уничтожены обычаи и традиции прежних правителей, и мир уже [живет] по-новому. В одночасье обрушились старый гнет и притеснения, убийства и тирания того семейства¹. По этой причине этот безвестный бедняк возымел желание уехать на свою исконную родину и увидеть родственников. За отсутствием достатка, при скудости средств к существованию и невозможности выехать в ту страну [этот бедняк] постоянно обращался с просьбой ко двору всевышнего владыки. Однако не получено никакого знака, что позволило бы надеяться на успех нашего дела при его высочестве. Поэтому очень кратко и лаконично [бедняк] записал эти несколько разделов [из написанной мною книги²] по истории курдов и задумал сей недостойный дар преподнести, улучив [удачный момент], лично тому владыке, руководствующемуся справедливостью. И, что за счастье и почет, если [подаренная книга] будет одобрена взыскательным оком³ того господина!»⁴

Текст насыщенный, в нем явно присутствует та самая «смятенность чувств», о которой автор писал неоднократно. Абдалкадир Бабани достаточно ясно говорит об утраченном материальном благополучии, даже попасть на прием к губернатору он не может — вход для него закрыт. Поиски выхода наводят на мысль подарить ему свою книгу, чтобы иметь возможность выехать из Арделана. Ради благополучного исхода задуманного плана Абдалкадир Бабани не пожалел хвалебных слов, чтобы засвидетельствовать свою восхищенность благодеяниями правящего шаха, благодаря которым Иран, по его словам, превзошел сады рая, и даже заставил себя выразить одобрение Фархад-мирзе за уничтожение обычаев и традиций прежних правителей Арделана.

Совсем недавно Абдалкадир потерял отца. Рустам-бек занимал в жизни сына особое место. Они были неразлучны, соединены узами кровными и духовными. Незаурядная, выдающаяся личность отца, его жизненная активность и позиция стали для Абдалкадира Бабани эталоном, примером для подражания, ценностным ориентиром. Свидетельство тому — его книга, в которой, на наш взгляд, отцу отведено центральное место.

Умер ли отец автора естественным путем — неизвестно, к единственному раз употребленному слову *مرحوم* не добавлено ничего. Учитывая политическую активность Рустам-бека, вместе с Махмуд-пашой Бабаном

¹ Княжеского дома Бани Арделан.

² См. ниже, с. 37, 38.

³ Букв. «природой».

⁴ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 31.

и семьей *вакилей*, несомненно занимавшего неудобную центру позицию, есть основание полагать, что тучи сгустились над всеми. Абдалкадир Бабани явно боится за свою жизнь. И непонятное на первый взгляд появление на двух последних страницах книги истории с убийством дочери везира, оказавшегося *вакилем*¹, — абсолютно с точки зрения автора немотивированным и необъяснимым — можно воспринять как сигнал о начавшемся истреблении клана *вакилей*, сигнал тревоги. Этим рассказом и заканчивается хроника.

Абдалкадир Бабани принял твердое решение уехать в области, которые двадцать лет тому назад назывались эмиратом Бабан. Он принадлежит к сословию *бегзаде*, его высокий социальный статус и принадлежность к прославленной, знатной фамилии позволят ему восстановить и положение, и материальное благосостояние. Он именуется Бабани, Бабанским, причисляет себя к Бабанам и будет им предан до конца, увековечив в своей хронике историю славного дома эмиров Бабана. В Арделане, где правит Фархад-мирза Каджар, его больше ничто не удерживает.

¹ См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 5, 205–206.

II. О СОЧИНЕНИИ АБДАЛКАДИРА БАБАНИ

Название хроники можно прочесть и понять по-разному, причина тому в неоднозначности одного из его компонентов. А. Мардух Курдистани, благодаря книге которого стало известно о существовании манускрипта хроники Абдалкадира Бабани, назвал ее *Siyar al-akrad* и перевел название *La vie des Kurdes*¹, и такое прочтение и перевод представляются предпочтительными. Однако возможно и другое понимание названия — *Путь курдов*, или исторический путь курдского народа. Автор сочинения по матери принадлежал к известной в Курдистане семье сейидов, и религия в его мировоззрении не могла не занимать важного места, а каждый народ в понимании мусульманского историографа следовал своим путем, предначертанным ему Создателем.

Время написания

Время написания хроники определяется с полной ясностью и для первоначальной авторской версии, и для внесенных в текст дополнений. В первый раз текущим назван 1288/1871–72 год в первой части авторского предисловия², а в самом начале главы 1 сообщается, что к написанию книги автор приступил 15-го дня месяца ша‘бана 1285 г. х., что соответствует 1 декабря 1868 г.³

В главе 5 в качестве текущего упоминается 1286/1869–70 г.⁴, а за шесть страниц до конца книги мы читаем: «Закончился [рассказ] о различных событиях в Курдистане Арделанском и Бабанском. Беспокорство и смятенность чувств совсем не позволяют описать историю и деяния остальных знатных курдских родов⁵. В дальнейшем, если тому поспособствует

¹ См. Abdollah Mardukh 1988: p. 43.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 28.

³ Там же, с. 32.

⁴ Там же, с. 167.

⁵ В тексте: *таифе*.

Господь, эта книга будет завершена, и для того будут приложены старания. Вторник, 24-го [дня] священного месяца зул-л-ка‘де 1286/25 февраля 1870 г.»¹.

Явно поставлена точка, но вопреки заявленному автором желанию завершить свой труд, после главы 10 следует приложение, в котором текущим назван год, совпадающий с упоминаемым в части 1 авторского предисловия 1288/1871–72. Этим годом и заканчивается хроника: «Эти несколько слов записаны в копию этой книги на память в понедельник, день 15-й почитаемого месяца шаввала 1288/28 декабря 1871 г.»².

Приведенные даты свидетельствуют о следующих фактах биографии Абдалкадира Бабани и истории написания его книги: 1) первоначальная авторская версия текста хроники начата 1.12.1868 г. и завершена 25.02.1870 г.; 2) полтора года спустя в копию авторского текста сочинителем были внесены изменения и дополнение. В тексте появилось приложение, и авторское введение явно подверглось переделке, разделилось на две части. По существу вторая часть авторского введения превратилась в реальную концовку книги, где сообщается о возможном грядущем отъезде и намерении преподнести книгу губернатору Арделана — царевичу Фархад-мирзе. Из-за произведенной коррекции предисловие местами производит впечатление собранного из кусочков, по-видимому, из-за той самой «смятенности чувств», о которой историограф упоминает неоднократно.

Заметим, что слова автора в главе 1: «и закончена [книга] была за два месяца»³ — не подтверждаются последующим текстом сочинения. Поскольку предположить, что Абдалкадир Бабани мог допустить такую неточность, затруднительно, остается сделать вывод, что перед нами сокращенный вариант книги, переписанный специально для дарения губернатору Фархад-мирзе и названный *Сийар ал-акрад*, и такой экземпляр был реально подготовлен за два месяца. При этом сама книга могла первоначально называться *Тарих ал-акрад* и быть более подробной. К сочинению под таким названием автор отсылает читателя, описывая историю Хан Ахмад-хана б. Хало-хана в главе 3-й⁴, не приводя никаких пояснений.

На такое предположение наводит пример современника Абдалкадира Бабани — Мирзы Али Акбара, который написал свой труд в 1891–1892 гг. Его издатель Мухаммад Рауф Тавакколи уверен, что опубликованный им

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 200.

² Там же, с. 206.

³ Там же, с. 32.

⁴ Там же, с. 45.

текст *Хадике-йи Насирийе* представляет собою подарочный вариант подготовленной автором книги — тоже под названием *Тарих ал-акрад*¹. При этом ближе к середине изданного текста Мирза Али Акбар Курдистани упоминает, что сочинение уже написано, а в самом конце — что будет написано.

Источники

Источники, привлеченные Абдалкидаром Бабани при написании *Сийар ал-акрад*, можно разделить на устные и письменные. При этом в книге присутствуют и авторские версии исторической традиции, личные наблюдения автора и немало параллельной информации самого разнообразного характера. Для воссоздания истории Южного Курдистана и эмирата Бабан труд Абдалкадира Бабани служит уникальным первоисточником и одной из первых хроник, посвященных дому бабанских эмиров.

Сюжеты, позаимствованные из устной традиции, преданий и сказов, в книге Абдалкадира Бабани присутствуют во множестве. Многократно автор предваряет свой рассказ словами: «говорят, говорили» (گفته اند, گویند, گفتند)², «слышал» (شنیدیم, شنیده ام)³, что свидетельствует о том, что последующий рассказ будет построен на такого рода информации.

Подобными сказами и преданиями навеяна история любви сефевидской принцессы Сеиде-бигум⁴ и музыканта и певца Йусуфа. Шах Аббас I (1587–1629) отдал в жены арделанскому эмиру Хан Ахмад-хану свою сестру. Высоко почитавшийся историографами Арделана, возведенный адептами конфессии ахл-и хакк в ранг своих святых⁵, Хан Ахмад-хан Бани Арделан весьма огорчал супругу увлеченностью винопитием, красивыми танцовщицами и стройными юношами⁶. Пренебрежение, проявляемое мужем, подвигло сефевидскую принцессу уделить внимание красавцу Йусуфу, певцу и музыканту.

¹ См. *Хадике-йи Насирийе* 2003: с. 11; Али Акбар Хронист Курдистани 2012: 16, 140, 221, 265. Возможно, существовала даже традиция, допускающая переименование подарочного варианта книги представителю царствующего дома.

² См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 30, 51, 96, 122, 124, 125, 130, 138, 148.

³ Там же, с. 30.

⁴ Она же — Заркулах (курд. Заркулав). Там же, с. 45.

⁵ Minorsky. The Gūran, 1843, p. 93.

⁶ По видимости, автору *Сийар ал-акрад* присущ какой-то устоявшийся стандарт неподобающего для эмира поведения, потому что подобным же образом и в таких же образных выражениях он описал и поведение эмира Риза-Кули-хана, женатого на каджарской принцессе. См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 93.

По-видимому, достаточно было одного ласкового взгляда принцессы, чтобы Йусуф влюбился и стал воспевать ее в слагаемых им песенных балладах, при том, что он украшал собой и своей музыкой застолье у самого князя Хан Ахмад-хана. В результате свои исполненные страсти сонеты он стал распевать на вечеринках в присутствии мужа. Трагический исход этой истории не заставил себя долго ждать. После одного из таких застолий, на котором Йусуф спел о своей страстной любви к принцессе, в полночь эмир вызвал его к себе, и голова певца повисла на крепостных воротах, а тело было замуровано в стене¹.

Сефевидская принцесса горевала, пыталась мужа отравить и в конце концов была отозвана шахом Аббасом в стольный город Исфахан. Автор *Сийар ал-акрад*, по-видимому будучи взволнованным историей, которую он поведал, не стал даже продолжать рассказ о правлении Хан Ахмад-хана, которому в хрониках арделанских историографов уделено много места и внимания, и отослал читателя, как мы полагаем, к своей же книге под названием *Тарих ал-акрад*².

На легендарном материале, дополненном богатой фантазией автора, основана история прародителя княжеского рода Бабан — Мала Ахмада, отца основателя дома Баба Сулеймана³. Рассказ о первых правителях эмирата Бабан явно построен на преданиях, об этом свидетельствуют два обстоятельства, которые невозможно не заметить: 1) власть переходит неизменно от отца к сыну, что в реальной жизни совсем не обязательно и 2) склонность округлять время правления десятилетиями⁴. Лишь начиная с описания событий конца XVII — начала XVIII вв. появляются наследующие власть племянники и братья, а длительность правления не сводится к десятилетиям. При этом следует заметить, что последняя из пяти династий, носивших имя Бабан, пришла к власти во второй половине XVII в., а не в 979/1571–72 году, как утверждает Абдалкадир Бабани⁵.

Возвышение последней династии Бабан связывают с Сулейманом Беббе, или Баба Сулейманом⁶, и В. Ф. Минорский датирует появление в Южном Курдистане этой, несомненно, выдающейся политической фигуры

¹ В. Ф. Минорский пересказывает эту историю немного иначе: Хан Ахмад-хан заподозрил Йусуфа Йаску в заигрывании с его супругой и приказал замуровать живым.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 45.

³ Там же, с. 106–110.

⁴ Там же, с. 112, 115–118.

⁵ Там же, с. 112.

⁶ Он же — Сулейман-бек.

1088/1677–78 г. В хронике Абдалкадира Бабани это событие передвинуто на целое столетие, и первым правителем с реальным (лишь на десятилетие подкорректированным) временем прихода к власти в *Сийар ал-акрад* является Хане-паша¹. О нем писали все арделанские хронисты, поскольку он и его сын Али-паша на короткий период времени стали правителями обоих эмиратов, Бабана и Арделана, или всего Юго-Восточного Курдистана.

Заметим, что в рассказ о Мала Ахмаде, отце Баба Сулеймана, автором *Сийар ал-акрад* влетела история про европейскую девушку, доставшуюся ему при дележе военной добычи после боя, в котором участвовала уроженка Европы, облаченная в военные доспехи. Впоследствии она стала женой Мала Ахмада и матерью основателя династии Бабан. Это — главная легенда Абдалкадира Бабани, но она придумана раньше. О прародительнице рода бабанских эмиров рассказывали К. Дж. Ричу его собеседники за 50 лет до написания *Сийар ал-акрад*. По всей видимости, легенда пришлась ко двору, прижилась у бабанских курдов и повторялась многими авторами, причастными к курдской истории и литературе. Девушка получила имя и стала называться Кеган².

Бабаны не были единственной семьей эмиров, претендовавшей на «иностранное» происхождение³. Такие претензии представляются не более чем идеологическим оформлением замкнутости, присущей высшему слою курдского нобилитета, и предназначены они для того, чтобы придать социальному рубежу, отделяющему это сословие, еще бóльшую непреходимость и эффективность. На первый план выступала не иллюзия общего происхождения, а реальность кастовой разобщенности, расчлененности социума на два компонента, из которых один обладал изначальным, а потому неоспоримым правом властвовать и управлять другим.

Если страницы хроники, где ощутимо присутствие легенд и сказаний, распознать нетрудно, то назвать нарративные источники, использованные Абдалкадиром Бабани при написании *Сийар ал-акрад*, практически

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 123; Али Акбар Хронист Курдистани 2012: с. 132–133.

² Эта история нашла свое воплощение в лирических поэмах и произведениях курдского эпоса. Одна из таких поэм вдохновила видного представителя семьи Бадрханидов Эмира Камурана Али вместе с писателем и переводчиком Адольфом де Фальгероелем написать эпический роман *Le Roi du Kurdistan*, представленный в предисловии как первый европейский перевод произведения курдского фольклора. См. Emir Kamuran Aali Bedir-Khan, Adolphe de Falgairolle. *Le Roi du Kurdistan*. Roman épique Kurde. Éditions Ophrys. Dépôt à Paris [б. г.], p. 5–7.

³ Подробнее см. Васильева. – ППИПИКНВ, 1991, ч. 1, с. 104–108.

невозможно. Факт, что такие исторические сочинения в распоряжении автора были, не вызывает сомнения. Абдалкадир Бабани при таком влиятельном и просвещенном¹ отце, как Рустам-бек, не мог не получить достойного образования, проживая в городе Сенендедже, который назван Обителью знания. В своем предисловии он написал, что тщательно изучил несколько хроник, достойных доверия (تواریخ معتبره)², и использовал информацию источников, в которых описаны события в Курдистане. Однако ни имена авторов этих хроник, ни их названия в сочинении Абдалкадира Бабани не упомянуты и не названы.

В Арделанском Курдистане существовала целая школа курдских историографов, писавших свои произведения на персидском языке. Из них три автора являются предшественниками Абдалкадира Бабани: Мухаммад Шариф Кази (вторая половина XVIII в.), Хусрав ибн Мухаммад Бани Арделан (родился ~ в 70–80-х годах XVIII в.) и Мах Шараф-ханум Курдистани (годы жизни 1805–1847). Последнего автора — историографа и поэтессу, писавшую стихи под литературным псевдонимом Мастуре, — Абдалкадир Бабани мог знать лично, поскольку в 1847 г. (год ее смерти) ему уже исполнилось 16 лет. Это остается пока неизвестным, поскольку относительно арделанских историографов Абдалкадир Бабани написал лишь несколько строк.

«Уже много лет племена курдов, — читаем мы в *Сийар ал-акрад*, — имеют в мире свой путь и обычай³, но никто не занялся описанием содеянного ими. Исключение [составляют] двое жителей Арделанского Курдистана, которые 40–50 лет тому назад... написали сочинения⁴, посвященные событиям в вилайете Арделан. [Однако] те несчастные⁵, страшась Аманаллах-хана *вали*⁶, который был их современником, правды написать не смогли, сочинили несколько глав и ограничились историей Арделанского Курдистана»⁷.

¹ Напомним, что Рустам-бек был вхож в ближайшее окружение принца и наследника иранского престола Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане, который одним из первых в Иране стал поддерживать стремление жителей Ирана к знаниям и к европейскому образованию. Он окружал себя исключительно людьми просвещенными и талантливыми. Кузнецова 1983: с. 97.

² *Сийар ал-акрад* 1988: с. 27.

³ См. выше, с. 36.

⁴ Букв. «кое-что».

⁵ В тексте: «бедняки».

⁶ Казнившего сыновей Мухаммад Рашид-бека *вакиля*.

⁷ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 26.

Авторское описание использованных нарративных источников не отличается подробностью, и к этой теме Абдалкадир Бабани не возвращался. А. Мардух Курдистани назвал имена историографов, которых (как он полагает) имел в виду автор *Сийар ал-акрад*. Это — Мухаммад Шариф Кази Арделан и Исмаил б. Мулла Хусейн Арделан (Esma' il Molla Hosayn Ardalan), автор еще не изданной *Истории Арделана*¹.

При сопоставлении хроник Абдалкадира Бабани и Хусрава ибн Мухаммада Бани Арделана удалось обнаружить определенное сходство при описании побед, одержанных Хусрав-ханом Великим во второй половине XVIII века над претендентами на власть в Иране после смерти Керим-хана Зенда. Оба автора, несомненно, приняли участие в сложении легенды о том, что этот арделанский эмир проложил Каджарам путь к иранскому престолу².

В качестве исторического источника автор *Сийар ал-акрад* использовал также погодные записи, которые велись в эмиратах Арделан и Бабан несомненно. В Арделане ведение таких записей составляло обязанность придворного секретаря-*муниши*, который одновременно был и *вака'и'-нигаром* (хронистом). Именно в таком качестве представляет себя читателю автор *Хадике-йи Насурийе* — Мирза Али Акбар Курдистани³. Существовала ли должность *вака'и'-нигара* при дворе бабанского эмира, остается неясным, во всяком случае, К. Дж. Рич ее не упоминает. Однако традиция записывать текущие события и их хронологию в княжестве была, и доказательство того мы находим в книге упомянутого английского автора, которая служит ценнейшим историческим источником для изучения эмирата Бабан.

К. Дж. Рич находился в Юго-Восточном Курдистане с мая по октябрь 1820 г. в качестве гостя сына прославленного Абдаррахман-паши Бабана — Махмуд-паши. Резидента Ост-Индской компании в Багдаде К. Дж. Рича (1808–1821)⁴, получившего блестящую востоковедную подготовку, весьма интересовало прошлое Бабанской династии и всего региона Юго-Восточного Курдистана, который он назвал самой примечательной и интересной областью в стране курдов⁵. Будучи страстным коллекционером восточных монет и манускриптов, в своих беседах с Махмуд-пашой Бабаном

¹ Abdollah Mardukh 1988: p. 34, 45.

² См. Хусрав ибн Мухаммад Бани Арделан 1984: с. 86, 87, 149, 150 и *Сийар ал-акрад* 1988: с. 53–55.

³ Али Акбар Хронист Курдистани. 2012: с. 19.

⁴ Годы работы в резидентуре Багдада; годы жизни К. Дж. Рича 1787–1821.

⁵ Rich 1836: vol. I, p. 267.

и Омар-агой, которому эмир поручил опекать почетного гостя, К. Дж. Рич упомянул о своем горячем желании приобрести копию рукописи *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси¹.

Просьба гостя подвигла на поиски², и 9 октября (1820 г.), к удивлению и радости К. Дж. Рича, Омар-ага принес ему «длинный бумажный свиток, скатанный наподобие молитвенника... для постоянного ношения в кармане. Список содержал перечень эмиров из рода *Bebbeh*, начиная с Сулеймана до настоящего времени. Путем расспросов [Омар-ага] обнаружил его у одного курда, чьи предки имели обыкновение записывать в этот свиток [происходившие] события вместе с датами, и он последовал их примеру»³. Текст был написан по-персидски и «представлял, — писал К. Дж. Рич, — реальную ценность... Я немедленно сел за перевод [написанного] в этом засаленном, уникальном свитке»⁴. Он посчитал находку даже более драгоценной, чем *Тарих ал-акрад* или ее продолжение.

Этим свитком поиски не закончились, и на следующий день, 10 октября 1820 г., неутомимый опекун К. Дж. Рича, Омар-ага принес еще одну старинную книгу, куда рукой ее собственника были занесены даты и события, относящиеся к истории рода Бабан. Рич включил их в свои записи тоже. Список правителей рода Бабан и перечень дат и событий бабанской истории вошли в текст его книги в качестве приложения⁵.

Рассказ К. Дж. Рича содержит ценное для нас свидетельство: вести погодные записи в Южном Курдистане (как в Арделане, так и в других частях страны курдов) имели обыкновение не только *вака'и'-нигары* — профессионалы по долгу своей службы, но и люди, возможно, совсем не причастные к этой профессии. Это наводит на мысль, что круг таких энтузиастов был достаточно широк. Во всяком случае, Абдалкадиру Бабани было откуда черпать для своей книги сведения по истории эмиров Бабана и Арделана. Чем больше приближаются описываемые в *Сийар ал-акрад* события ко времени автора, тем подробнее становится рассказ, основанный на свидетельствах «достойных доверия» информаторов, и в конце концов плавно перетекает в повествование, построенное на личных наблюдениях Абдалкадира Бабани.

¹ К. Дж. Рич называет книгу Шараф-хана Бидлиси *Тарих ал-акрад* — под таким названием она получила известность среди курдов.

² Рукописи *Шараф-наме* были большой редкостью.

³ Rich 1836: vol. I, p. 302.

⁴ Там же.

⁵ Там же, p. 381–387.

Например, в главе 7 приведено интересное прилюдное выступление отца автора Рустам-бека¹. Глава 5, посвященная эмирам Бабана, вообще богата прямой речью, которая усиливает эмоциональное воздействие на читателя, а временами даже создает ощущение присутствия при описываемых событиях.

Особенно эмоционален и изобилен прямой речью рассказ автора *Сийар ал-акрад* о правлении эмира Абдаррахман-паши Бабана, который имел обыкновение и любил обратиться перед сражением к своим бойцам с проникновенным словом, после чего они становились неустрашимыми и не ведали страха². А битву у Абдаррахман-паши, названного курдскими историками Великим, было великое множество. Все его правление прошло в борьбе за Бабанский эмират или в подготовке к этой борьбе. Абдалкадир Бабани посвящает Абдаррахман-паше и его сыну Махмуд-паше большую часть главы 5, написанной столь эмоционально, что герои и «великие мужи» Бабанского Курдистана буквально «оживают»: мы слышим их речь, видим, как они ведут себя в бою, сопереживаем, когда они прощаются с погибшими и помогают раненым. Такое написал Абдалкадир Бабани сочинение — на персидском языке, но далекое от канонов классической персидской историографии; книгу, отмеченную печатью личности и максимально приближенную к исторической реальности.

Попытаемся ответить на вопрос, как автор сам воспринимал и оценивал свой труд и что собою представляла эта книга, исходя из видов мусульманской литературы, выявленных и охарактеризованных А. А. Хисматулиным³. Для этого обратимся к авторскому слову, с которым Абдалкадир Бабани обращается к читателю в самом начале книги: «...этот бедняк без имени и отличия, которому запало в голову желание сочинить и составить этот свод⁴ [исторических сведений], постарался описать историю всех племен курдов. [Уповаю] на помощь всевышнего Господа, что по написании этой книги⁵ [меня] не постигнет [ни] сожаление, [ни] пристрастие. Кому она понравится — хорошо, [если] кому-то покажется плохой — [тоже] хорошо. Я изложил правду о событиях [прошлого]. К читателям этой книги, в особенности к жителям Курдистана Арделанского и Бабанского, которые в целом превосходят других курдов разумением и образованностью, просьба со вниманием и беспристрастием отнестись [к написанному]»⁶.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 175, 176.

² Там же, с. 126, 133, 134, 137, 138.

³ Хисматулин 2008: с. 412–443.

⁴ В тексте: *маджму'е*.

⁵ В тексте: *наме*.

⁶ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 26.

Небольшой отрывок из авторского предисловия высветил различные обстоятельства, заслуживающие внимания, и, прежде всего, казалось бы, авторскую самооценку. Он называет себя «бедняком без имени и отличия», далее в тексте книги будет обходиться словами: «этот бедняк» (این حقیر)¹, «бедняк» (حقیر)², «несчастный бедняк» (بندہ ی حقیر)³, «бедняк-автор» (بندہ مؤلف)⁴, «автор» (مؤلف)⁵, «пишущий эти строки»⁶ (راقم حروف)⁷, «собира- тель этих листков» (جامع این اوراق)⁸, «ничтожнейший» (کمترین)⁹.

Приведенные образцы обозначения своей личности автором отражают лишь стиль иранских историографов и отнюдь не свидетельствуют о каком-то самоуничижении или повышенной скромности. Такова традиция. Но то, что автор *Сийар ал-акрад* называет свое сочинение *маджму'е*, или *свод* исторических сведений, представляется примечательным, и здесь мы снова обратимся к интересному наблюдению А. А. Хисматулина. Он выделяет три этапа работы автора-историографа над своей книгой: сбор (جمع) материала источников; составление текста сочинения (تألیف) и сочинение (تصنیف) как результат творчества. Каждый историограф, таким образом, прежде всего собирает сведения источников, на их основе составляет канву событий, а затем доводит описание исторического процесса до своего времени и дополняет его своим рассказом¹⁰.

Абдалкадир Бабани называет свое сочинение «сводом» — *маджму'е*¹¹, однокоренным производным термином от *джам'* — «сбор», а сам процесс своего творчества — «составление» — «та'лиф» и «редактирование» — *тахрир*, и ни разу не употребляет слова *тасниф* — «сочинение». Очевидно, что оценивает он свой труд скорее как свод сведений об Арделанском и Бабанском Курдистане, не претендует на большее, хотя и дополняет эти сведения информацией, добытой им самим. Абдалкадир Бабани едва ли был сильно озабочен раздумьями, что собою представляло его сочинение. Его оценка книги абсолютно спонтанна, как и самооценка. Желание написать

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 27, 31, 33, 149, 176, 196, 199, 201.

² Там же, с. 26.

³ Там же, с. 152.

⁴ Там же, с. 53, 56, 80, 144, 149.

⁵ Там же, с. 153.

⁶ Букв. «буквы».

⁷ Там же, с. 75, 84, 143, 151, 174, 196.

⁸ Там же, с. 92.

⁹ Там же, с. 154.

¹⁰ Хисматулин 2008: с. 428, 439, 441.

¹¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 26, 32, 172.

историю «Арделанского и Бабанского Курдистана» появилось, «запало ему в голову»¹, когда эмираты Арделан и Бабан уже были уничтожены и пошли на слом все политические структуры, связанные с ними. Книга Абдалкадира Бабани — это реквием по обоим курдским княжествам и по правившим домам Бани Арделан и Бабан, власть которых рухнула у него на глазах. Он посчитал своим долгом написать книгу об этих событиях, будучи их современником.

Композиция хроники Абдалкадира Бабани

В манускрипте, по которому готовилось тегеранское издание *Сийар ал-акрад*, по всей видимости, отсутствуют оглавление или план сочинения, принятые в персидской историографии. Оглавление, приведенное в самом начале книги, перед вводным словом ее издателя, явно подготовлено Мухаммадом Рауфом Тавакколи.

План сочинения

Вступление автора. Часть 1.

Вступление автора. Часть 2.

Глава 1. О численности племен курдов. О названиях [великих] родов курдов.

Глава 2. Курдистан призывают принять ислам. Сражения между курдами и арабами.

Глава 3. Создание эмирата Арделан.

Глава 4. О правлении царевича Фархад-мирзы Му‘тамад ад-Дауле. Описание гор[ной области] Авроман.

Глава 5. История Бабанского Курдистана.

Глава 6. Начало уничтожения эмирата Бабан Османской державой.

Глава 7. Мукринский Курдистан и [племя] бильбас.

Глава 8. О семье курдских [правителей] Ревандуза.

Глава 9. О стоянках и [расстояниях, исчисляемых] в фарсах, в пределах Курдистана Арделанского и Бабанского.

Глава 10. Относительно некоторых разнообразных и диковинных явлений в Курдистанах.

Приложения. Перечень султанов рода Османа.

Как и все мусульманские историографы, Абдалкадир Бабани начинает свою книгу «именем Бога, милостивого и милосердного». Традиционное

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 26.

восхваление царствующего государя Ирана Насирадин-шаха и принца Фархад-мирзы, губернатора Арделана, мы находим во второй части авторского введения. После изложения причин, побудивших автора взяться за перо, он переходит к рассказу.

Глава 1 посвящена великим домам курдских правителей и племенам, их численности и названиям. Из них автор выделяет шестнадцать родов-*таифе*, которых относит к самым могущественным. Первыми в этом списке выступают «величайшие и самые знатные правители Арделанского Курдистана и Курдистана Бабанского». За ними следуют эмиры Курдистана Мукринского и племени бильбас, *хакимы* Ушнуйе, *хакимы* Хаккари, *забиты* Мергавера и Брадосты, паши Вана и *беглербеги* Джебзире, паши Мосула, паши Ревандуза и деревень даснийцев, *беглербеги* Зохаба, эмиры кельхоров и эмиры [племени] горан в Махидаште, ханы Сонкора.

В тексте присутствуют следующие термины для обозначения родоплеменных единиц: *таифе* (мн. ч. *тавайиф*), *кабиле* (мн. ч. *кабайил*), *табаке* (мн. ч. *табакат*), *ферке*. Они встречаются и в последующих главах сочинения вместе с терминами *каум*, *хашам*, *иль*, *хель*, однако термин *ашират* (мн. ч. *ашайир*), который весьма охотно использовали в своих трудах Шараф-хан Бидлиси и историографы Арделана, был обнаружен в книге Абдалкадира Бабани лишь единожды: «Если этот поход *вали* закончится победой и торжеством, уничтожит он меня самого, мое племя (*ашират*) и мой род (*тире*)»¹.

Таифе — самый неопределенный из терминов, употребляемых курдами для обозначения племенного сообщества. В отличие от терминов *ашират* и *кабиле*, наиболее прижившихся в курдской среде и более конкретных, *таифе* — многозначен и как «племя» употребляется только во множественном числе. В единственном числе он воспринимается, прежде всего, как правящий род или династия. «Семьей» (*таифе*) называют себя адепты конфессиональных сообществ, «члены суфийских братств»². Возможна и другая интерпретация термина *таифе*. В рассказе Шараф-хана Бидлиси о беседе, якобы состоявшейся у Пророка Мухаммада с представителем курдского этноса, на вопрос Пророка, какого рода он и племени, тот ответил кратко: «Я из *таифе* курдов». Ответ понимается однозначно: «из н а р о д н о с т и курдов»³. В этом же значении термин появляется и на страницах *Сийар ал-акрад* многократно.

¹ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 157.

² Bruinessen 1992: p. 68.

³ См. *Шараф-наме* 1967: с. 86.

Употребляемые Абдалкадиром Бабани в качестве синонимов *таифе* термины *табака* и *каум* возможно переводить: первый — как «род», «подразделение», второй — как «народность». Термин *ферке* в *Сийар ал-акрад*, в зависимости от контекста, может означать и «племя», и «род».

Племенная номенклатура неоднозначна и неустойчива, что объяснено непрерывным процессом распада племенных сообществ и образования новых. Ответвление племени могло отколоться и стать самостоятельной единицей, в результате мир племен испытывал постоянную динамику. Термины-обозначения племен не успевали за этим вечным движением и обретали заметную неопределенность. В результате, когда мы обратились к трем терминам: *таифе*, *кабиле* и *ашират*, наиболее широко употребляемым в *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси, первым впечатлением была их полная идентичность. Только учет **всех** случаев употребления этих терминов позволил заметить, что в семантической структуре каждого из них одно значение явно превалирует над другими. Термин *таифе* в книге Бидлиси означает «племя», независимо от его количественной и иной характеристики, *кабиле* — небольшое племя, *ашират* — чаще всего большое племя или союз племен¹. Однако если в принципе возможность наметить семантические особенности терминов, употребляемых каким-либо одним мусульманским автором Средневековья, существует, то в целом общепринятой этнической терминологии не наблюдается. Таково заключение исследователей проблем тюркских государств и народов С. Г. Кляшторного и Т. И. Султанова².

Из всей приведенной племенной номенклатуры именно термин *иль* был избран автором *Сийар ал-акрад* основой для создания собирательного образа, который воплотил в себе идеалы и ценностные ориентиры, связанные с племенем и, в первую очередь, с всеплеменной солидарностью. Речь идет о широко используемом Абдалкадиром Бабани труднопереводимом понятии *илият*, или «соплеменство», которое в его книге обретает более широкий смысл общекурдской идентичности. К нему мы возвратимся ниже, в следующем разделе.

Заканчивается глава изложением легендарной истории одного из предполагаемых прародителей княжеского дома Бани Арделан.

Глава 2 начинается с призыва арабов к населению Курдистана принять мусульманскую веру и заканчивается описанием военных действий между арабами и курдами. События датируются 637 г. Рассказ Абдалкадира

¹ См. Васильева. ППИПИКНВ, 1969, с. 6–9.

² См. Кляшторный, Султанов 2009: с. 253.

Бабани во 2-й главе *Сийар ал-акрад* был привлечен курдским автором Г. И. Абдуллоем в качестве доказательства ошибочности мнения, «что курды приняли ислам добровольно. На самом деле процесс исламизации был насильственным, особенно на первых этапах»¹.

Согласно рассказу автора *Сийар ал-акрад*, в районе Шахризур несколько тысяч жителей были уничтожены за то, что отказывались принять веру завоевателей².

Глава 3 *Сийар ал-акрад* посвящена Арделанскому эмирату и содержит историю княжеского дома Бани Арделан.

«В любую эпоху и во все времена, — пишет Абдалкадир Бабани, — в вилайете Курдистан³ кто-то был *хакимом*, и по-разному они⁴ в [этом] мире проживали, пока в начале правления Саффаха Аббасида тот самый упомянутый [в главе 1] Хусрав мельник по приказу Абу Муслима не покорил эту область и не утвердился там правителем. Начиная с этого времени, его сыновья и внуки стали возвышаться, пока в 930/1523–24 г. их [потомок] по имени Сурхаб-бек не отобрал от глав [племени] кельхор крепость Паланган и не построил в этом месте небольшой город. И около 30 лет правил он при полной независимости. После него *хакимом* стал его сын Али-хан. Он правил тоже 23 года и умер в 983/1575–76 г.»⁵.

Краткое авторское вступление показывает, что Абдалкадир Бабани не читал книгу Шараф-хана Бидлиси, по крайней мере, тот раздел *Шараф-наме*, который посвящен эмирам Арделана⁶. В результате сведения Шараф-хана Бидлиси об арделанских правителях, от прихода династии в XII в. к власти до конца XVI в., остались вне поля зрения автора *Сийар ал-акрад*, и история дома Бани Арделан в его книге претерпела значительные изменения. Из нее выпали четыре столетия арделанской истории и даже персонаж, по имени которого династия была названа, — Арделан или Баба Арделан, как его именуют арделанские историографы.

Шараф-хан Бидлиси причисляет Баба Арделана к потомкам рода правителей Диарбекира и к внукам самого яркого представителя блистательной курдской династии Марванидов — Ахмада ибн Марвана, в правление которого власть Марванидов достигла апогея. Согласно *Шараф-наме*,

¹ Абдулла 1996: с. 23.

² См. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 37–39; Абдулла 1996: с. 24.

³ Курдистаном в Иране называют область Арделан, и она носит такое наименование официально поныне.

⁴ Правители Курдистана.

⁵ *Сийар ал-акрад* 1988: с. 40.

⁶ *Шараф-наме* 1967: с. 146–152.

у колыбели династии Бани Арделан стояли курдские племена горан и кельхор, была задействована их военная сила и мощь. На политической сцене внук Ахмада ибн Марвана появился в качестве главы горано-кельхорского племени в 564/1168–69 г., и в этом году состоялся его прорыв во власть¹.

Попытка автора *Сийар ал-акрад* увязать возвышение княжеского дома Бани Арделан с временем правления аббасидского халифа Абу-л-Аббаса Абдаллаха ас-Саффаха² и с Абу Муслимом Марвази, возглавившим про-аббасидское восстание в Хорасане, представляется совершенно бездоказательной. Что касается появления в тексте хроники Абдалкадира Бабани имени некоего мельника по имени Хусрав³ в основании родословной княжеского рода, то на этом факте мы остановимся ниже⁴. Версия, построенная на сведениях Шараф-хана Бидлиси, арделанских хрониках и описании этих событий курдским историком Мухаммадом Амином Заки⁵, представляется более убедительной⁶.

Абдалкадир Бабани начинает свой рассказ о правителях Арделана с Хало-хана (1589/1590–1616) и его сына Хан Ахмад-хана (1616–1636/1637), двух выдающихся арделанских эмиров, имена которых окружены легендами и преданиями. Абдалкадир Бабани приводит иные годы правления Хало-хана, современника Шараф-хана Бидлиси, который охарактеризовал положение арделанского эмира четко: «он добился власти столь независимой и неограниченной, что невозможно и описать. И ныне, в 1005/1596–97 году, он самодержавно и безраздельно правит в тех районах»⁷.

Неустршимый эмир Хало-хан, чье имя переводится как «орел», действительно, что подтверждают арделанские хронисты, не признавал власть ни иранского шаха, ни турецкого султана. Сефевидский шах Аббас заменил непокорного правителя его сыном, предварительно женив на своей сестре, и только тогда обрел в его лице верного союзника. Однако, когда преемник шаха Аббаса ослепил сына эмира Хан Ахмад-хана, увидев в нем претендента на иранский престол, тот устроил смуту на весь Юго-Восточный Курдистан.

Но если Хало-хану в хронике Абдалкадира место уделено, то описание правления Хан Ахмад-хана практически отсутствует. Почти сразу после

¹ Али Акбар Хронист Курдистани 2012: 29, 102, 103.

² Пришел к власти в 749 г.

³ Мельником он назван в главе 1. *Сийар ал-акрад* 1988: с. 33.

⁴ См. ниже, с. 57.

⁵ Заки Мухаммад Амин 1936: с. 276.

⁶ Али Акбар Хронист Курдистани 2012: 28–30.

⁷ *Шараф-наме* 1967: с. 152.